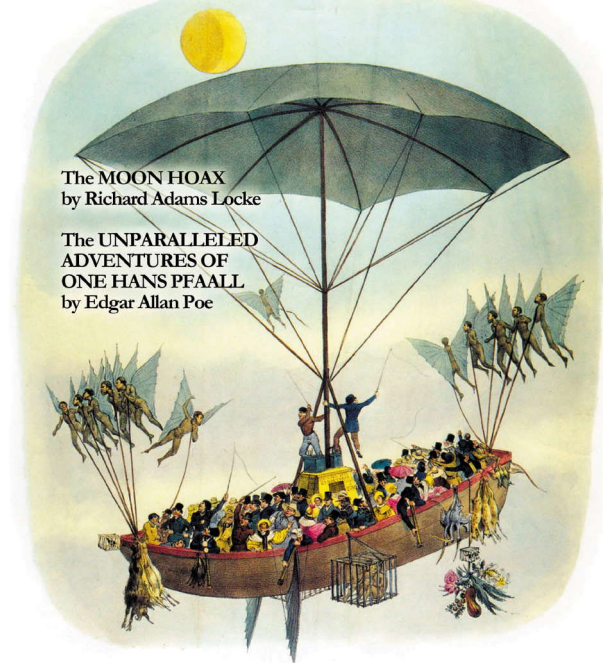

JOURNEYS TO THE MOON

Ричард Адамс Локк

БОЛЬШОЕ ЛУННОЕ НАДУВАТЕЛЬНОСТЬ.

"ВЕЛИЧАЙШИЕ АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ ПРОИЗВЕДЕННЫЕ В САМОЕ НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ СЭРОМ ДЖОНОМ ГЕРШЕЛЕМ, ДОКТОРОМ ПРАВА, ЧЛЕНОМ КОРОЛЕВСКОГО АСТРОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И Т.Д. ПРЕБЫВАЮЩИМ НА МЫСЕ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ (На основании материалов, изложенных Эдинбургским Джорнел оф Сайенс)."

День 1.

Вторник, 25 августа 1835 г., утренний выпуск.

В этом несколько необычном дополнении к нашей газете, нам выпало счастье уведомить британскую а вместе с ней и всю читающую публику, принадлежащую к цивилизованному миру, о недавних астрономических открытиях, достойных стать нетленным памятником нашему времени, и навсегда увековечить славу и достижения нынешнего времени в благодарной памяти потомков. По утверждению поэта, звезды небесные есть не что иное как наследственные регалии подаренные человеку как властелину, благодаря своему интеллекту возвысившемуся над животным миром. Отныне же человечество по праву может с куда большим основанием взирать на Зодиак, почитая его законной наградой своего умственного превосходства.

Невозможно и далее писать о величайшем астрономическом открытии, являющимся предметом этой статьи, не испытывая ощущения величайшего благоговения, достойного служить наградой тем, чей проницательный ум сумеет быть может, приподнять завесу над нашим собственным будущим состоянием.

Неумолимым законом природы прикованные к планете, служащей нам домом люди, «затерянные в необъятности вселенной» неожиданно для себя стали обладателями поразительных и пугающих едва ли не сверхъестественных сил, в то время как перед нашим любопытным взором открываются таинственные создания Творца. Едва ли не крамольной кажется то, что переступив через невозможность космического перемещения, предел которому положен нам Господней волей, человек в гордыне своей и упоении собственным могуществом выходит за рамки отпущенного ему природой и требует для себя знакомства с ранее скрытой от него жизнью разумных существ в иных мирах.

Мы убеждены в том, что в момент, когда обессмертивший свое имя философ, которому человечество обязано невероятными сведениями, отныне получившими широчайшую огласку, впервые закончив настройку своего нового инструмента, потрясающего воображение огромностью и мощностью, что уже во многом заранее оправдывало возлагавшиеся на него надежды, он на несколько часов помедлил прежде чем начать наблюдение приго-

товляя наш ум к будущим открытиям, каковые, без сомнения в будущем должны были стать источником удивления и восторга для миллиардов собратьев, и обеспечить немеркнущую славу его имени, которому отныне суждено было навеки занять подобающее ему место, с полным правом на то разделив славу, выпавшую на долю его достойнейшего отца.

Итак, он немного помедлил! С того часа, когда прародители впервые распахнув глаза ошеломлены были величию голубого свода небес, простершегося над их головой, не было для человеческого знания достижений столь выдающихся и вызвавших столь неподдельный интерес как то, о чем рассказал наш уважаемый корреспондент, в то время как его работа, в которой досконально будет изложена суть его открытий, готовится в скором времени выйти из печати и будет предоставлена вниманию широкой публики, нам остается лишь увериться в том, что работа эта по праву будет объявлена одним из величайших и важнейших достижений в истории цивилизованного мира.

Итак, он помедлил! Ему первому и единственному выпало стать свидетелем интригующих тайн, с начала времен и до сего момента скрытых от глаз людей. Он готовился увенчать себя диадемой знания, навсегда обеспечившей бы ему первенство среди всех собратьев как живших в прежние времена, так и ныне здравствующих. Он помедлил некоторое время и наконец сорвал печать с ларца, заключавшего в себе тайну.

Чтобы удовлетворить естественное любопытство, мне следует немедленно пояснить, что посредством огромного телескопа, работающего по неизвестному ранее принципу, Гершель-младший, ведя наблюдения из своей обсерватории, расположенной в Южном полушарии, совершил невероятнейшие открытия касательно всех планет, входящих в нашу Солнечную систему, в малейших подробностях разглядев Лунную поверхность, причем разрешение его телескопа позволяло видеть имеющиеся там объекты словно бы глядя невооруженным глазом на все, находящееся на земле на расстоянии сотни ярдов; таким образом окончательно разрешив спор касательно обитаемости нашего спутника, включая вопрос о природе существ его населяющих; утвердив новую кометную теорию; а также разрешив или во многом уточнив решения почти всех наиважнейших проблем, стоящих перед математической астрономией.

Нашей столь ранней и исчерпывающей осведомленности касательно изложенных фактов мы в полной мере обязаны доброй дружбе одного из нас с доктором Эндрю Грантом, учеником Гершеля-старшего и уже в течение нескольких лет неразлучного и преданного помощника его сына. Будучи бессменным секретарем вышеназванного ученого в его обсерватории на Мысе Доброй Надежды, неустанно отдававшим все свои силы в деле постройки и эксплуатации указанного телескопа, доктор Грант в интересах всего человеческого общества, получил позволение поделиться с нами информацией о полученном знании, исчерпывающий отчет которой доктор Гершель в свою очередь предоставил Королевскому Астрономическому обществу. Действительно, по сообщениям нашего корреспондента, объемные документы, ныне являющиеся предметом пристального внимания и исследования со стороны специально созданной в составе этого учреждения комиссии отличаются от предоставленного нам объемного рассказа всего лишь мелкими деталями и наличием математических выкладок.

Соизволением же по старой дружбе поделиться с нами этими бесценными сведениями, а нам воспользоваться ими, мы вместе с доктором Грантом в полной мере обязаны душевной щедрости доктора Гершеля, который будучи выше любых мелочных и меркантильных соображений, сделал столь широкий жест, оказав таким честь и уважение своему коллеге в деле научного поиска. Литографии лунных животных и иных объектов а также фаз движения нескольких планет, которые приведены будут в нашей газете, являются точными копиями зарисовок, выполненных Гербертом Хоумом, эсквайром, прибывшим в лабораторию на мысе Доброй Надежды как сопровождающий вместе с последней серией мощнейших телескопов-рефлекторов из Лондона, а также полностью взявший на себя ответственность за наблюдение за их установкой, и в дальнейшем запечатлевший на бумаге безусловные доказательства успешности их применения. Литографии, изображающие кольца Юпитера представляют из себя уменьшенную копию зарисовок д-ра Гершеля выполненных в английской системе измерения, и являются результатом его последних наблюдений указанной планеты. Сегмент внутреннего кольца Сатурна представляет собой фрагмент большой зарисовки, выполненной доктором Грантом.

Мы начнем наш рассказ с приложения документов, рассказывающих об устройстве и истории появления инструмента, с помощью которого и были сделаны эти поразительные открытия. Описание это необходимо также, чтобы удостоверить правдивость того, что последует далее.

ТЕЛЕСКОП ГЕРШЕЛЯ-МЛАДШЕГО

Общеизвестно, что большой телескоп-рефлектор ныне покойного Гершеля-старшего представлял из себя линзу четырех футов в диаметре и сорокафутовую зрительную трубу, таким способом увеличивая объекты в шесть тысяч раз, притом что эта мощь частью своей теряла при рассмотрении ближайших к нам астрономических объектов, виной тому недостаток освещенности этих объектов, от чего не спасало даже громадное увеличение, так что картинка, получаемая в телескопе расплывалась, становясь слабой и неясной, это же в свою очередь понуждало использовать для рассмотрения указанных объектов всего лишь треть или даже четвертую часть всех имеющихся возможностей. Соответственно, увеличение, применявшееся при рассмотрении Луны и планет, с помощью которого и были сделаны самые неожиданные из открытий, колебалось в пределах между 220, 460, 750 и наконец 900 степенями, в то время как при наблюдении двойных и тройных неподвижных звезд и куда более удаленных туманностей, он чаще мог использовать полную мощь своего инструмента. Неумолимый закон оптики, согласно которому резкость изображения падает в прямой зависимости от увеличения, казалось, ставит непреодолимую границу возможностям с его помощью получать новые знания о нашей Солнечной системе. Однако, следует заметить, что за несколько лет до смерти этого почтеннейшего астронома, он все же посчитал разумным начать сооружение серии параболических и сферических рефлекторов улучшенного качества, которые объединив все лучшее, бывшее уже в Грегорианских и Ньютоновских инструментах, включили в себя также любопытные достижения Долланда в области ахроматических линз, что позволило в немалой мере обойти казавшееся неразрешимым затруднение. Его планы на будущее, как можно понять, включали в частности глубинные исследования в области оптики, и предпо-

лагали использование величайших по изобретательности механических ухищрений; но постоянное ухудшение здоровья и наконец смерть, не позволили ему довести до конца намеченные опыты.

Его сын, ныне здравствующий сэръ Джон Гершель, буквально выросший в атмосфере астрономических исследований, и посему превратившийся в астронома-экспериментатора с детских лет, столь глубоко был убежден в значимости этой теории, что настоял на том, чтобы любой ценой осуществить ее практическое испытание. Два года спустя после смерти отца он полностью собрал свой новый инструмент и практически с полной точностью приспособил его к старому телескопу. Он же выяснил, что шеститысячекратное увеличение, примененное при наблюдении Луны, что составляло ранее самую трудноразрешимую задачу, при условии применения новых рефлекторов давало фокальную картинку удивительной ясности и четкости, лишенную ахроматической расплывчатости, освещенную со всей полнотой, каковую можно было получить от этого источника с помощью телескопной линзы.

Увеличение точности видения, какового удалось таким образом добиться, удостоверяется тем, что расстояние до Луны оказалось зрительно уменьшено разрешением телескопа от реально существующих 240 000 миль до 40 с помощью 6 тысячекратного увеличения и видимого приближения планеты к глазу наблюдателя. Так хорошо известно, что это расстояние составляет предел видимости невооруженным глазом для объектов, находящихся на земной поверхности, вне зависимости от степени подъема. Показатель земной поверхности мешает даже при самом остром зрении, вне зависимости от высоты точки, на которой находится наблюдатель видеть более удаленные объекты, более того, в самом общем случае, объекты, видимые с подобного расстояния сами по себе находятся на возвышениях таких, например, как горные хребты. При том, следует отдавать себе отчет, что эти сорок миль, зрительно отделявших наблюдателя от лунной поверхности позволяли разглядеть находящиеся там объекты с той же степенью отчетливости как то случилось бы на Земле для предметов столь же отдаленных.

И все же, Гершелю-старшему удалось продемонстрировать, что при тысячекратном увеличении на поверхности нашего спутника удастся разглядеть объекты минимальный диаметр которых

составляет 122 ярда. Соответственно, если бы удалось задействовать всю мощь новейших рефлекторов, позднее построенных его сыном, как то следовало из математических расчетов, разглядеть удалось бы объекты диаметром от 22 ярдов и более, при том, что в любом случае, они выглядели бы размытыми и бесформенными пятнами каковыми кажутся и земные объекты, при попытке разглядеть невооруженным глазом все находящееся от наблюдателя на расстояние 40 миль. И несмотря на то, что покатошь земной поверхности не создавала никаких сложностей при рассмотрении астрономических объектов, мы склонны полагать, что сэр Джон Гершель отнюдь не собирался использовать при их рассмотрении всю невероятную мощь своего телескопа.

Недостаточность освещения пытались компенсировать используя и накапливая ее, при том, что согласно законам оптики, она обратно пропорционально размерам планеты, казавшейся огромной и великолепной в поле зрения телескопа, в результате чего удалось подтвердить некоторые из ранее сделанных наблюдений и опровергнуть другие. Существование на Луне вулканов, ранее объявленное его отцом, а также Шрётером из Берлина а также изменения, произошедшие с вулканом в Море Кризисов, или же Светящемся Озере, которые довелось наблюдать последнему, были тщательно исследованы и зарисованы впрочем, как и многие иные свидетельства интенсивной вулканической активности, также были проведены дополнительные измерения, позволившие скорректировать сведения о высоте лунных гор, ранее поражавшие своей непропорциональностью, в то время как многократно описанные конические холмы, окружающие огромные круглые долины, и находящиеся внутри круга грандиозные центральные пики также прекрасно просматривались в поле зрения телескопа. Формация, которую профессор Фраунгофер, на основании бедной и неполной информации, достаточно неосмотрительно окрестил лунными крепостями, оказалась всего лишь трубчатым образованием на склоне любопытного вида пирамидальной горы, линия, столь же неосмотрительно объявленная пересечением дорог и каналов, оказалась скоплением образований на гряде холмов поразительно правильного расположения; формация, которую Шрётер поспешил объявить большим городом по соседству с Холмами Мариуса, как то выяснилось, представляла собой долину, около тысячи ярдов в диаметре заполненную об-

ломками горной породы, разбросанными самым неожиданным образом.

Итак, общая география планеты, и самые общие начертания ее мысов, континентов, гор, океанов, и островов подверглись исследованию и изучению куда более пристальному и точному, чем то было возможно для любого из прежних наблюдателей; причем в глаза бросилась ошеломляющая разница отделяющая эти структуры от образований, известных нам на Земле. Самые подробные карты спутника, опубликованные в настоящий момент времени обязаны своим существованием именно этим исследованиям, при том, что ни профессиональные астрономы, ни широкая публика не смели надеяться что вслед за тем последуют еще более грандиозные открытия. Невероятная мощь величайшего в мире телескопа оказалась использована весьма счастливо, при том, что как то казалось, не было уже ни малейшей надежды на то, что когда-либо удастся построить новый телескоп, превосходящий описанный или же что этот гипотетический новый телескоп сможет принести еще большее невероятные открытия. Неумолимые законы природы и предел, положенный человеческому совершенству, казалось ставили окончательную точку любому дальнейшему совершенствованию науке наблюдения при помощи телескопа будь то касательно планет, или их спутников, находящихся в Солнечной системе. Казалось, что единственным способом тому будет отыскать способ заставить Солнце изливать куда более мощные потоки света на эти астрономические тела, таким образом, что отражение от них также увеличится во много раз, к вящему удовольствию для любопытствующего человечества, в самом деле, что еще можно было предложить в качестве решения задачи? Телескопы сами по себе не излучают свет, более того, они не в состоянии даже передать не искажая, свет им сообщенный.

Сыну Гершеля таким образом, оставалось смириться с печальным фактом, что ничего большего человеческая изобретательность в деле построения астрономических инструментов вкуче со всеми усилиями его прославленных предшественников и его собственных достигнуть уже не в состоянии. Гюйгенс, Фонтана, Грегори, Ньютон, Хардли, Бэрд, Шорт, Долланд, Гершель, и многие другие специалисты по практической оптике использовали все бывшие в их распоряжении материалы и исчерпали все

возможности их применения для построения телескопов-рефлекторов или изготовления линз, они же добились максимума при использовании всех известных законов оптики, открытых и исследованных человеческим знанием. При построении своего последнего, поражающего своей мощью телескопа, сэр Джон Гершель использовал самые совершенные виды амальгам, как-вые только удалось получить на нынешней стадии развития химии металлов, ему же довелось наблюдать, как в руках искусного мастера дополнительно увеличивается их отражательная способность, загораясь при этом надеждой куда более трепетной, чем когда-либо юноша замечал в глазах своей возлюбленной; и вот ему наконец показалось, что все возможности продвинуться дальше исчерпаны раз и навсегда. Ему, пожалуй, могла бы доставить удовольствие мысль, что будь у него возможность оседлать пушечное ядро и повинувшись ярости пороховых газов лететь на нем в течение как минимум нескольких миллионов лет, и то ему не удалось бы получить лучшую возможность для наблюдения далеких звезд, каковую в течение нескольких минут предоставлял взгляд в новый телескоп, и если бы даже ему удалось развить головокружительную даже для железной дороги скорость в пятьдесят миль в час и поддерживать ее в течение целого года, и то ему не удалось бы оказаться в более благоприятных условиях для наблюдения нежного светила ночи.

При том оставался не отвеченным и так же мучительным как и ранее вопрос – исходил ли этот свет из лесной чащи или пустыни, лишенной растительности, или синих глубин океана, катящего свои волны, или одинокой башни; в то время как устремляли взгляд в небеса обретающиеся на покинутом поле битвы, как то смотрели вверх странники, полные любви и надежды или же наоборот – отчаяния и опустошения, прокладывая себе путь по холмам и долинам Земли, начиная с эпохи неписаной истории и вплоть до нынешней, тщательно описанной вплоть до самых крохотных мелочей, интригующий вопрос, не была ли населена эта планета, известная сынам человеческим начиная от Эдема и вплоть до современного Эдинбурга, существами, напоминающими нас самих по разуму и любопытству, полагался могущим получить свой ответ лишь из соображений внешнего сходства, или набившей оскомину традиции, восходящей к отшельнику, чьи

строгие правила, усвоенные с младенческого возраста воспрещали собирать хворост в субботу.

Пределы возможностей исследования планет, в том числе Луны, казались раз и навсегда определенными и незыблемыми, так что в течение нескольких лет никто не питал надежд их преодолеть. И все же, около трех лет назад, в устной беседе с сэром Дэвидом Брюстером, касательно высказанных последним в статье об оптике, опубликованной в Эдинбургской энциклопедии (см. стр. 644) нескольких неожиданных и оригинальных предположений предложений касательно возможности улучшения ньютоновских рефлекторов, сэр Джон Гершель посетовал о том, что исчезла простота старых астрономических инструментов, не имевших труб, линза которых крепилась на высокий шест, приближала изображение на 150 или даже 200 футов. Доктор Брюстер с готовностью согласился, что в наличии трубы нет необходимости, при условии, что полученное изображение проецировалось бы в темную камеру, откуда передавалось на рефлекторы. Сэр Джон тогда же заметил, что огромный телескоп отца, одна труба которого весила около 3 тыс. футов, при том, что была изготовлена из легчайших из известных на тот момент материалов, при всей своей тяжести, двигалась достаточно легко и надежно, при том, что освободить линзу от тяжести трубы представлялось достаточно резонным. Оба согласились с этим и разговор далее зашел о древнем неборимом до того времени противнике – слабости света, недостаточной для мощных увеличительных стекол.

Сэр Джон Гершель

Помолчав в течение нескольких минут, и обдумав сказанное, сэр Джон несмело спросил, не удастся ли передать дополнительный свет от искусственного источника фокусному изображению объекта! Сэр Дэвид, несколько ошеломленный неожиданным предположением, некоторое время медлил, и наконец все еще колеблясь, заговорил о преломлении световых лучей, и углах падения. Далее, уверившись в правильности идеи, сэр Джон, сослался на пример ньютоновского рефлектора, в котором преломление световых лучей корректировалось с помощью второй линзы, и угол падения восстанавливался с помощью третьей. «И наконец,— продолжал он, почему не может световой микроскоп, взять к примеру, его водородную разновидность, использоваться для наведения резкости, или уж если на то пошло, даже для зрительного увеличения видимой проекции?» Сэр Дэвид в приливе озарения, вскочил со стула, и подпрыгнув едва ли не до половины высоты комнаты, выкрикнул «Ты — гений!» И далее оба ученых перебивая друг друга, вдвоем заговорили о том, что доказательством тому служит прохождение лучей в водородном микроскопе сквозь каплю воды, причем плавающая в последней личинка комара или иной объект, невидимый невооруженным глазом, становится виден со всей отчетливостью и более того, зрительно увеличивается до нескольких футов. Подобным же образом свет от искусственного источника, пропущенный даже через самое размытое изображение, полученное телескопом, будет урезонено (т.е. получит дополнительную резкость, если позволено будет ради столь необычного повода произвести на свет новое слово) причем даже самая слабо различимая деталь будет зрительно увеличена. Единственным видимым затруднением оставался принимающий прибор для фокусного изображения, который сможет передать его без искажения на поверхность, которая в свою очередь будет рассматриваться наблюдателем под усиливающим светом микроскопических рефлекторов. В ходе множества разнообразных экспериментов, поставленных в течение нескольких следующих недель, оба ученых пришли к согласному мнению, что посредством чистейшего предметного стекла, (каковое им довелось увидеть, как то следует из их собственных слов, в витрине ювелирного магазина мсье Дезанжа на Хай-стрит, бывшего ранее придворным ювелиром при дворе его величества Карла X,

ныне лишённого престола) им удастся добиться наилучшего возможного результата. Оно в точности подходило к телескопу, увеличивавшему в 100 раз и микроскопу, дававшему увеличение приблизительно втрое большее.

Наконец-то сэр Джон Гершель смог использовать в полную силу всю невероятную мощь своего телескопа. Само по себе разрешение рефлектора, построенного его отцом, смогло видимо приблизить поверхность любимой планеты до 40 миль, он же решил еще увеличить разрешение. Деньги, двигатель науки и нерв войны, оставались единственным препятствием, при том, что получить их бывает куда сложнее, чем Сизифу закончить свой труд, ему удалось преодолеть и это затруднение. При полной поддержке такого блестящего специалиста по оптике как Дэвид Брюстер, он изложил свой план на заседании Королевского Астрономического Общества, специально обратив на том внимание его королевского высочества, герцога Сассекского, щедрого покровителя наук и искусств. Специальная комиссия, выделенная из состава общества для исследования этого предположения дала немедленный и самый благоприятный ответ, а председатель ее, бывший президентом Королевского общества, лично поручился внести пожертвование в 10 тыс. фунтов стерлингов, как частное вложение в осуществление столь важной цели. Обещание свое он сдержал без дальнейших проволочек, в то время как Его Величество, уведомленный, что приблизительная цена нового инструмента составит 70 тыс. фунтов стерлингов, не без наивности заинтересовался, сможет ли столь дорогая штука служить улучшению навигации? Получив в ответ уверения, что обязательно послужит, моряцкий король обещал предоставить карт-бланш в деле обеспечения нового проекта нужными для того средствами.

Сэр Джон Гершель также составил необходимые чертежи и расчеты для изготовления линзы в двадцать четыре фута в диаметре, что в шесть раз превосходило линзу, имевшуюся в распоряжении его почтенного отца. Для того, чтобы изготовить столь солидного размера и веса линзу, он избрал стекольную мастерскую г-д Хартли и Гранта (брата нашего бесценного друга д-ра Гранта) в Думбартоне. Избранный для того материал представлял собой амальгаму из двух частей серебра высшей пробы и одной – кремневого стекла, использование которого для изготовления сложных ахроматических линз и составило открытие Долланда.

Вскоре посредством тщательных экспериментальных проверок удалось установить, что амальгама вслед за разделенными линзами Ньютона, полностью устраняла все ранее существовавшие неудобства как то происходившие из преломления световых лучей так и наступавшим обесцвечиванием изображения. Пять металлических печей тщательно отобранных среди имеющихся в распоряжении мануфактуры, обеспечивавших плавку стекла практически идеальной однородности, одним большим передатчиком совместно присоединены были к плавильной форме, и наконец 3 января 1833 г. осуществлена была первая плавка. После охлаждения, длившегося в течение восьми дней, форму открыли, причем выяснилось, что стекло было прорезано в центре трещиной до 18 дюймов глубиной. Несмотря на первую неудачу, с большими предосторожностями 27 числа того же месяца отлита была новая линза, которая будучи вынута из формы, в первую неделю февраля, оказалась практически безупречной, за исключением двух небольших трещин, оказавшихся столь близко к краю, что их без сомнения закрыло бы медное кольцо, которое в любом случае полагалось для удержания линзы.

Вес этой огромной линзы составил 14,826 фунтов или же около семи тонн; после окончательной полировки, его же предполагаемое увеличение полагалось равным 42 000. С достаточной долей вероятности можно было предположить, что этой мощи хватит, чтобы разглядеть лунные объекты размером от 18 дюймов и более в диаметре, резкость их изображения следовало корректировать пропускания света через фокусное изображение. Стоит однако заметить, что Гершель-младший связывал свои надежды не столько с возможностями управления светом через водородный микроскоп, через поле которого предполагалось пропускать фокальное изображение объектов, полученных с помощью этой линзы, но почти что неограниченную способность своего инструмента служить дополнительным увеличивающим устройством, во много раз превосходившим и оставлявшим далеко позади в этом качестве лучшие увеличители, имевшиеся в то время у телескопов-рефлекторов.

Он столь непоколебимо рассчитывал на преимущества, достигнутые столь великолепным соединением двух приборов, что во всеуслышание заявлял, будто сможет в конечном итоге изучить даже лунную энтомологию, обнаружась там насекомые.

Удостоверившись в том, что изготовление огромной линзы благополучно завершено, она же невредимо доставлена в столицу, он озаботился созданием подходящего для его цели микроскопа, и поддерживающего механического оборудования для горизонтального и вертикального перемещения всей конструкции. Его предложения неизменно скрупулезно проработанные даже в третьестепенных мелочах, в дальнейшем осуществлялись легко и быстро. Он ждал теперь только наступления заранее оговоренного времени, когда планировалось доставить великолепный инструмент к месту его предназначения.

День 2.

Среда, 26 августа 1835, утренний выпуск.

Между Комиссиями по установлению координат долготы, принадлежавшими соответственно Англии, Франции и Австрии уже некоторое время шла переписка, целью которой было договориться об уточнении таблиц координат долготы в Южном полушарии, которые по своей точности много уступали соответствующим таблицам для Северного. Самое благоприятное мнение, сложившееся у британской комиссии касательно нового телескопа и глубоких знаний, присущих его изобретателю, склонили правительство к мысли воспользоваться его услугами для наблюдения прохождения Меркурия по солнечному диску, каковое должно произойти 7 ноября текущего года, с 7 часов 57 минут 55 секунд пополуночи вплоть до 8 часов 12 минут 22 секунд астрономического времени будет практически невозможно наблюдать в Северном полушарии.

Местом, откуда в подобных случаях европейские астрономы ведут наблюдение прохождения по солнечному диску Меркурия или Венеры, обычно выбирается мыс Доброй Надежды, ввиду того, что для Венеры в последний раз подобное событие произошло в 1769 году, следующее же ожидалось не ранее чем в 1874, тщательное наблюдение за прохождением Меркурия, каковое событие происходит намного чаще, представлялось исключительно важным как для астрономии, так и для навигации. Для последнего, весьма необходимого искусства, прохождения через солнеч-

ный диск Меркурия почти так же важны, как подобные события для Венеры, в то время как наблюдения прохождения по солнечному диску последней планеты играют особенно важную роль в точном определении величины солнечного параллакса и вследствие тому расстояний любой из планет до солнца, в то время как при прохождении Меркурия при точном определении точки пересечения его собственной орбиты с солнечной, вне зависимости от параллакса нашего светила, можно определить параллакс Земли и Луны; каковые наблюдения представляют особенную важность при определении по солнцу долготы. Мыс Доброй Надежды представляется в этом отношении самым подходящим местом для наблюдений во всем Южном полушарии.

Экспедиция, посетившая Перу около середины прошлого столетия, и ставившая себе задачу во взаимодействии с другой, посланной в Лапландию, определить истинную форму Земли, обнаружила, что воздействие горных цепей на их инструменты оказалось столь сильным, что подвес, бывший частью одного из их самых больших инструментов отклонился от прямой линии на семь или восемь угловых секунд, в то время как плоскогорья у мыса Доброй Надежды равно привлекают исследователей чистотой и прозрачностью воздуха и отсутствием возвышенностей, могущих затруднить обзор. Сэр Джон Гершель, таким образом, не только с большим удовлетворением воспринял свое новое назначение, но и предложил начать экспедицию как минимум годом ранее, чтобы иметь в своем распоряжении запас времени, необходимый для заблаговременной доставки к месту тяжелого и сложного оборудования, без риска что-либо поломать или повредить, так же как воспользоваться случаем для пополнения знаний о созвездиях Южного неба.

Эти условия были немедленно приняты, и закончив необходимые приготовления, он отплыл из Лондона 4 сентября 1834 г., в сопровождении д-ра Эндрю Гранта, лейтенанта Драммонда из Королевских инженерных частей, члена Королевского Астрономического общества и большой команды, составленной из лучших специалистов по механике, каковых только нашли в Англии. После долгого и достаточно приятного путешествия, они наконец прибыли на место и немедленно принялись за доставку и установку линз и сопутствующего оборудования к заранее предназначенного для этого места, которое представляло собой высокое

и достаточно обширное плоскогорье, около 35 миль к северо-востоку от Кейптауна, и которым, как уверяют, воспользовался в 1750 г. Лакай для вычисления бесценных для науки таблиц солнечного склонения, определив таким образом длину меридиана, и сделав тем самым огромный шаг вперед в вопросе точного определения величины солнечного параллакса по Марсу и Луне. Наняв две бычьи упряжки по восемнадцать голов в каждой, сэр Джон по истечении четырех дней поднялся на плоскогорье и с помощью нанятых для того голландских буров, принялся устанавливать огромный телескоп.

Общий план этого сооружения большей частью походил на то, как телескоп Гершеля устанавливался в Англии, за тем исключением, что фундамент, представлявший собой кирпичную кладку, был заменен на параллельно проложенные на деревянном основании круговые железные рельсы, так что возможность выезда или скорее въезда, осуществляемого с внешнего рельса позволяла контролировать поворот внешней структуры, свободно перемещавшегося по ним по направлению к внутреннему рельсу, на котором в свою очередь устанавливались линзы, попеременно к каждому из находившихся между ними рельсов. Диаметр меньшего из кругов составлял двадцать восемь футов, размер наибольшего наш корреспондент, к сожалению, забыл обозначить, при том, что его можно попробовать приблизительно рассчитать, взяв за основу угол падения, создаваемый линзой, и площадь, занимаемую обсерваторией в целом.

Последняя представляла из себя деревянное здание площадью в пятьдесят квадратных футов, той же высоты, с плоской крышей и трубами для оттока дождевой воды, сделанными из листовой меди. Со стороны, где располагается линза, находится отверстие в четыре фута в диаметре, предназначенное для сбора световых лучей, и еще одно сделанное с той же целью уже для меридиональных наблюдений. Линза в деревянной оправе, поддерживаемая с каждого угла медными зажимами подвешена по прямой оси между двумя колоннами, имеющими почти ту же высоту как и знаменитый квадрант Улугбека, в котором предполагалось сто пятьдесят футов. Сверху и снизу всю конструкцию поддерживают несколько крестовин и диагональных скреп; между ними располагается двойной кабестан, предназначенный для того, чтобы передвигать линзу по вертикали из нижнего положения до высо-

ты, требуемой фокальным расстоянием, в то время как она обращена к меридиану а также передвигать ее вверх и вниз на требуемую высоту. Для тонкой регулировки этой последней операции служит огромный двойной секстант, соединенный и передвигаемый одновременно с главной осью линзы, разделенный соответственно на угловые градусы, минуты и секунды, в то время как горизонтальные круги в лаборатории также делятся на 360 градусов окружности, каждый из которых дополнительно делится на минуты, так что в общем и в целом инструмент обладает точностью и надежностью самого совершенного теодолита.

Лишенный трубы телескоп соединяется с обсерваторией посредством двух горизонтальных рулей, проходящих под полом здания и соединенных с круглым основанием колонн, придавая таким образом линзе положение, перпендикулярное собственно месту для наблюдателя, обеспечивая ей ровное и в то время легкое перемещение. Кроме того, при помощи этих рулей, лебедки и домкрата, место для наблюдателя перемещается в любое положение относительно колонн, как того может потребовать работа, при том, ввиду того, что находясь в ближайшем к колоннам положении при угловом расстоянии около 15 градусов к меридиану, наблюдения с помощью большой линзы становятся затруднительными и потому наблюдатель дополнительно обеспечивается превосходным телескопом большой разрешающей способности, построенным когда-то Гершелем-старшим, с помощью которого можно вести наблюдения даже при самом малом угловом расстоянии. Само изображение, отбрасываемое на пол или стену обсерватории получало размер около 50 футов, и соответственно, ввиду своей круглой формы, общую площадь около 1875 футов.

Для осуществления точных поворотов в горизонтальной плоскости, использовалось усовершенствованное изобретение лейтенанта Драммонда, по праву носящее его имя — с помощью колес, на которых располагалось место наблюдателя и удерживающее линзу оборудование, причем облегчение их движения обеспечивалось шарикоподшипниками, заключенными в патентованные корпуса, заполненные маслом, так что мускульной силы одного человека, приложенной к ручке одного руля хватало чтобы передвинуть всю структуру по рельсам, два человека требовалось, чтобы с помощью лебедки передвинуть место наблюдателя к основанию колонн. Оба этих движения в настоящее время осуществ-

вляются самодвижущимся механизмом находящимся под управлением одного человека, причем с помощью остроумного устройства можно с точностью до дюйма определить движение вперед или назад.

Мы уделяем столько внимания телескопу Гершеля-младшего не только ввиду того, что полагаем эту машину самым выдающимся устройством, сооруженных руками ученых как в нынешние так и в предыдущие времена, а также потому, что полагаем объяснение принципа его устройства и возможностей совершенно необходимыми для того, чтобы подготовить читателя к восприятию тех невероятных для человеческого знания результатов, которые с его помощью удалось получить. Установка была окончательно завершена во второй половине декабря, когда несколько больших рефлекторов, предназначенных для микроскопа, наконец прибыли из Англии и в течение первой недели января следующего года введены были в эксплуатацию. Полная секретность, окружавшая его разработку, изготовление и установку, и конечную цель, для которой он создавался, не менее строго выдерживалась в течение нескольких месяцев, с единственной целью скрыть достигнутые с его помощью невероятные результаты. Будь причиной того определенный скептицизм британского правительства касательно обещанных великих открытий, которые якобы сделаны будут с его помощью, или наоборот, желание понадежней скрыть их от посторонних глаз до тех пор, пока эти результаты не станут возможно предъявить во всем блеске к вящей славе нации и короны, стоявших у их истоков, вопрос, дать ответ на который мы с точностью затрудняемся. Но наверняка можно сказать, что коронованные покровители нашего астронома обязали его самого и его друзей соблюдать едва ли не масонскую таинственность и секретность, вплоть до того, как результаты величайшего эксперимента будут официальным путем доведены до сведения правительства.

Соответственно, весь мир оставался в полном неведении касательно его самого и его экспедиции вплоть до того времени, как несколько месяцев назад как о том было объявлено в научных изданиях Германии, сэр Джон Гершель на мысе Доброй Надежды написал письмо на имя королевского астронома Вены, уведомляя его о крайне важном событии как то, появлении кометы предсказанном на 1835 год, которая, как полагается, пронесется столь

близко к дрожащему от ужаса Земному шару, что мы быть может, услышим рев вырывающегося из нее пламени, или же наоборот, промчавшись по иному следу, ни единым волоском из своего хвоста не заденет наши охотничьи уголья. Не понимая, что подвигло его на столь уверенное и недвусмысленное заявление, ученые мужи Европы, отнюдь не посвященные в его тайну, отнеслись к его «пророчеству с отсрочкой», как немедленно окрестили его открытие, с недоверием и насмешками, продолжая требовать от него дополнительных подтверждений этих и иных сделанных им предсказаний.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ КАСАТЕЛЬНО ЛУНЫ

Вплоть до десятого января в основном проводились наблюдения звезд, видимых из Южного полушария, причем не без помощи водородных рефлекторов, удалось открыть множество новых, ранее неизвестных звезд и туманностей.

Однако, мы отложим рассказ о них, каковым его предоставил наш корреспондент вплоть до будущих выпусков газеты, в то время как не будем более скрывать от наших читателей те в большинстве случаев поразительные и неожиданные открытия, которые были сделаны при наблюдениях Луны. Из тех же соображений мы опускаем здесь математические выкладки, приведенные д-ром Грантом и выполненные сэром Джоном Гершелем с целью коррекции для лучших на данный момент таблиц лунного склонения в тропиках, и синодических таблиц, на информации, содержащейся в которых зиждутся большинство из существующих селенологических теорий.

Было около половины десятого вечера, в ночь с 10 на 11 января, когда до середины второй Лунной четверти оставалось четыре дня, когда астроном подготовил свой инструмент для наблюдения ее восточной части, освещенной солнцем. Для наблюдения использовалась вся невероятная мощь его телескопа, для преобразования же фокального изображения использовалось около половины возможностей микроскопа. Полученный с помощью последнего результат передавался на экран, всю ширь которого сейчас занимал различимый до мельчайших подробностей, весь-

ма реалистического вида пейзаж, состоявший из базальтовых скал зеленовато-коричневого цвета, ширина этих образований, как можно было судить по их изображению на экране равнялась около двадцати восьми дюймов. На этом первом изображении не видно было ни малейших следов растрескивания, при том, что спустя несколько секунд экран высветил ступенчатого вида образование, сложенное по ширине из пяти или шести колоннообразных скал, гексагональных по форме, соединенных способом напоминающим базальтовые формации Стаффы. Обрывистый, ступенчатый склон этого образования сплошь зарос темно-красными цветами почти неотличимыми, по словам д-ра Гранта от *Paraver Rhoegas* или попросту дикого мака, растущего на полях подлунного мира; таковым предстал перед глазами людей первый объект живой природы, обнаруженный на чужой для нас планете.

Скорость, с которой поднималась над горизонтом Луна или вернее, скорость суточного вращения Земли, составляющая пятьсот ярдов в секунду, никоим образом не позволила бы наблюдать объекты столь малые по размеру, не будь в распоряжении астронома столь великолепно отрегулированного механизма, автоматически устанавливающего в соответствии с показаниями секстанта высоту линзы, при том что механизм показал себя в работе столь безупречным, что для наблюдателей не составляло ни малейшего труда держать в поле зрения облюбованный объект столь долго, сколь они считали необходимым. Этот образчик лунной растительности, который им довелось наблюдать, вызвал в свою очередь к жизни вопрос столь интригующий, что никто не желал откладывать его решение в долгий ящик. В самом деле, если судить по растительности, выходило, что Луна обладает атмосферой сходной с земной, и способной поддерживать существование организованной материи, а следовательно, как можно было предположить, и животной жизни. Базальтовые скалы, нависавшие сверху над долиной продолжали плыть через экран, тремя рядами опоясывая последнюю, когда вслед за ними появились еще два кольцевых склона, отличавшиеся удивительной красоты оттенком зеленого. За ними виднелось еще одно образование приблизительно той же высоты, у подошвы которого им к немалому своему удовлетворению, удалось разглядеть нечто невиданное ранее — лунный лес. «Эти деревья, рассказывает д-р Грант которые мы наблюдали в течение десяти минут, все относились к

одному и тому же виду, и не походили ни на что мною ранее виданное, за исключением, пожалуй, тиса, какой бывает, растет на английских кладбищах — между ним и этими деревьями наблюдалось определенное сходство. На экране появилась затем плоская зеленая равнина, ширина которой, если судить по круговым отметкам на экране, составляла более чем полмили, затем появилось изображение леса из стройных елок, столь безупречных, каковых мне лично никогда не приходилось встречать в горах, откуда я родом».

Насытившись зрелищем бесконечно тянущегося елового леса, мы резко понизили увеличение микроскопа не трогая, однако, рефлекторов, немедленно заметив вместе с тем, что изображение само собой сместилось вниз по склону покрытому структурами весьма разнообразного и живописного характера, и теперь оказались на берегу озера или внутреннего моря, местонахождение и размеры которого мы не могли определить даже приблизительно из-за слишком большого увеличения. Пустив в ход ахроматические линзы, обладавшие слабейшим разрешением из всех, которые у нас имелись, мы выяснили, что водная гладь, берег которой попал в поле зрения нашего телескопа, была частью моря Моря Облаков, открытого Рикколи, из чего мы заключили, что вместо того, чтобы вести наблюдения за восточной частью планеты, считая от центрального меридиана, некая погрешность в механизме подъема большой линзы, сместила наше поле зрения почти что к линии экватора.

Однако же, ввиду того, что на Луне интересно все, мы же не ставили перед собой определенной цели в наблюдении тех или иных местностей, и более того, в любой момент могли вернуться к ранее заданным координатам, мы вновь нацелили свои волшебные линзы для продолжения наблюдений над берегами Моря Облаков. Почему Рикколи присвоил ему подобное наименование, мне неизвестно, если не предположить, что он таким образом пытался поднять на смех Клеомеда, потому что даже ангелы не могли бы избрать для себя более удобной местности для увеселительного путешествия. Сверкающий под солнцем белый песчаный пляж, окруженный со всех сторон похожими на замки или крепости скалы, сложенные, по всей видимости, зеленым мрамором, сменявшимися расщелинами, каждые две или три сотни футов разрывавшими их цепь, гротескного вида меловыми и гипсо-

выми глыбами, увенчанными на вершинах рошицами жавшихся друг к другу неведомых деревьев — все это медленно проходило через экран перед нашими глазами, пока у нас не захватило дух от восторга.

Вода, также видимая в поле зрения телескопа, отливала синевой, как то бывает у океанских глубин, и вскипала пеной, обрушиваясь на кромку пляжа. Аномально высокие приливы оставили свой след на скалах отстоявших от кромки берега более чем на сто миль; но при том, насколько хватало глаз, при всем разнообразии и прихотливости пейзажа, мы не сумели заметить ни малейших следов животной жизни, безотносительно к тому, как мы увеличивали или наоборот уменьшали поле зрения нашего телескопа. Мистер Холмс, однако же, поспешил определить несколько белых объектов округлой формы, которых мы заметили неподалеку в глубине пещеры, как больших *cornu ammonis* (аммонитов) мне же они показались просто крупными гальками, окатанными приливом. Наши упорные розыски животной жизни не дали ни малейшего результата.

Прошло около двух часов, в течение которых мы успели со всей тщательностью изучить достаточно большую площадь, поверхность которой большей частью отличалась беспорядочным характером, что явно говорило о вулканическом влиянии, открыв мимоходом еще несколько разновидностей растительных форм, не говоря уже лишайниках, росших повсюду в огромных количествах. Д-р Гершель предложил убрать линзы, насколько бросить взгляд на уже увиденное с высоты птичьего полета и далее заняться важнейшими долинами, из ранее известных астрономам, что, быть может, скорее могло помочь в обнаружении живых существ и тем самым окончательному желаемому результату после первой ночи наблюдений. Вынув линзы, что никоим образом не поколебало изумительной ясности видения наших рефлекторов, мы, как и следовало из расчетов, определили, что площадь наблюдения составила около двадцати пяти миль лунной поверхности, при разрешении равно при точности контуров и величине мелких деталей, с каковой можно видеть земной объект на расстоянии двух с половиной миль, оптический феномен, о котором речь специально пойдет в приложении под номером 5. Это краткое наблюдение порадовало нас еще более живописными пейза-

жами, и несмотря на значительно возросшую скорость, с которой двигалась на экране картинка, привело в состояние восторга.

Несколько из уже поименованных долин, окруженных величественными холмами столь совершенной конической формы, что они казались скорее делом рук человеческих, чем природными образованиями, промелькнули через экран прежде чем мы сумели достаточно их рассмотреть, но в какой-то момент наше внимание привлекла резкая смена пейзажа, и д-р Гершель дал команду уменьшить движение телескопа до минимально возможного и удобного для глаз. Перед нами появилась величественная цепь горных образований, напоминая собой обелиски или же грациознейшего вида пирамид, разбросанных там и тут в неравном количестве, причем каждое из скоплений составляло от тридцати до сорока шпильей, идеально квадратных в основании и заканчивающихся усеченным конусом как то иногда наблюдается в друзьях у лучших образчиков корнуэльского горного хрусталя. Они отличались удивительной красотой и отливали нежно-сиреневым. Я был убежден, что эти образования имеют без сомнения рукотворную природу, но д-р Гершель проницательно отметил, что будь селениты в состоянии застроить тридцать или сорок миль площади монументами подобного вида, мы без сомнения заметили бы и другие строения, куда красноречивей свидетельствующие о своей искусственной природе. Он объявил их выростами кварца, быть может, относящиеся к разновидности аметиста винного цвета, заверив нас, будто эти и иные свидетельства шедших здесь мощнейших процессов кристаллизации предоставят ему богатейший материал для минералогических исследований.

Вставив линзу в гнездо, мы все убедились в справедливости его заключений, действительно перед нами были гигантские аметисты, отливавшие кларетом, разведенным в воде, мерцающими под бившим в них ярким солнечным светом!

Высота их колебалась от шестидесяти до девяноста футов, при том, что на глаза нам попались и несколько особенно огромных выростов. Их можно было увидеть в нескольких сменяющих друг друга долинах, разделенных в меридиональном направлении волнообразными цепями округлых холмов, покрытых зеленью и величественных; но что особенно бросалось в глаза, долины, в которых встречались скопления этих поражающих воображение

гигантских кристаллов были неизменно пустынно и загромождены камнями железистого цвета, бывших, по-видимому, выходами железного пирита. Мы обнаружили, несколько таких примечательных образований в районе, на полмили поднимавшемся над впадиной Моря Изобилия, обнаруженного Майером и Рикколи, побережье которого в скором времени появилось в нашем поле зрения. Но никогда более имя не соответствовало столь точно своему объекту, ибо «от Дана до Вирсавии» все было пустынно, пустынно, и все побережье загромождено выходами мела и кремня, и даже при сильнейшем увеличении невозможно было заметить ни малейших следов растительности.

На всем протяжении северной оконечности моря, тянувшейся приблизительно на три сотни миль, в поле зрения нашего телескопа, вслед за равниной, попала дикая горная страна, заросшая густыми лесами из еще более крупных деревьев, чем виденные нами ранее, для сравнения с которыми я затрудняюсь найти аналог. Внешними очертаниями они напоминали наш лесной дуб, но отличались от него куда более пышной кроной и гладкими лоснящимися листьями напоминавшими лавровые, а также гирляндами желтых цветов, свисавших до самой земли там, где вслед за деревом начиналась поляна. Когда же горная цепь закончилась, перед нами открылось зрелище, поразившее нас до глубины души. Это была овальная долина, окруженная со всех сторон за исключением узкого прохода с южной стороны холмами ярко-алого цвета, без сомнения, сложенных из кристаллических структур; ибо везде, где случалось вклиниться трещине, а трещины эти попадались достаточно часто, и уходили вниз на значительную глубину, перпендикулярные структуры являли собой беспорядочные массы многоугольных кристаллов, в точности прилегавших друг к другу и организованных глубоко уходящими вниз слоями, причем цвет их менялся от более светлого к более темному оттенку в зависимости от того, насколько низко каждый слой уходил в глубину пропасти. Из каждой скалы лились бесчисленные водопады, причем некоторые из них струились едва ли не из вершин, вырываясь на свободу с такой силой, что пробивали арки, диаметр которых превосходил несколько ярдов. Никогда еще я не видел ничего столь близко не напоминающего байроновскую «Историю о белой лошади во время Революции». У подошвы этой горной цепи начиналась лесная зона, четко очерченная и окружавшая до-

лину, величина которой в самом широком месте доходила до восемнадцати или даже двадцати миль, а длина составляла около тридцати. Маленькие рощицы из крепких деревьев всевозможных родов в видов были прихотливо разбросаны в во всех направлениях на этой доброй земле, и наконец-то здесь благодаря нашим увеличителям наши самые затаенные надежды получили наконец подтверждение.

В тени лесов на юго-восточной стороне, перед нашими глазами явились неисчислимы стада четвероногих коричневого цвета, по внешности весьма напомилавшими хорошо нам знакомых бизонов, но ростом проигрывавшим любой разновидности диких быков известным из естественной истории. Хвосты у них были как у яков, в то время как месяцевидные рога и горб между лопатками, величина шейной складки и наконец длина спутанной шерсти скорее наводила на мысль о диких быках, с которыми я склонен бы их сопоставить. Единственным отличием, которое, как оказалось позднее, присуще было едва ли не всем лунным четвероногим, нами позднее увиденным, был весьма заметный мясистый надглазный валик, пересекавший лоб из конца в конец и наконец исчезающий за ушами. Нам трудно было составить себе детальное представление об этой волосистой складке, сходной по виду с вуалью, видом своим напомилавшей свисающие вниз поля дамской шляпки, известной под именем «шляпки Марии Королевы Шотландской», могущей как подниматься так и опускаться посредством движения ушами. Острый ум д-ра Гершеля немедленно определил, что эта складка вернее всего исполняет защитную функцию, оберегая глаза животного от резкой смены света и тьмы, которой подвержены обитатели обращенной к Земле стороне Луны.

Следующее по очереди животное, попавшее нам на глаза, на Земле без сомнения было бы отнесено к разряду монстров. Оно отличалось синевато-свинцовым оттенком, размерами своими напоминало козла, имело козлиную же бородку, и единственный рог, слегка наклоненный вперед. Самки этого вида были безроги и безбороды, но отличались куда большей длиной хвоста. Эти животные встречались в огромном количестве, наводняя собой горные склоны, господствовавшие над лесистыми районами. Грациозностью сложения это животное могло бы поспорить с антилопой, так же как и последняя, оно казалось быстроногим и

ловким, скача с огромной скоростью и прыгая по густой зеленой траве с легкостью не уступавшей ягненку или котенку. Эти красивые существа доставили нам несколько минут живейшего удовольствия. Естественность его движений на белом экране, весь его вид напоминал точное и слегка подсвеченное изображение земных животных в камере-обскуре, когда они в реальности находятся от нее на расстоянии нескольких ярдов, и отражения падают на ее экран. Часто случалось, что едва мы попытались пальцами дотронуться до бородки животного, оно проворно убежало прочь, как будто возмущившись нашей земной бестактностью, но едва появлялись другие, которым мы уже не могли помешать щипать траву в свое удовольствие, мы могли говорить и делать с изображением этого зверя все что угодно.

В середине этой радовавшей глаз долины, мы обнаружили широкую реку, ветвящуюся на несколько рукавов, между которыми образовались несколько живописного вида островов, кишевшую всевозможной водяной птицей. Особенно часто здесь встречались серые пеликаны, впрочем, попадались черные и белые аисты с невероятно длинными ногами и клювом. Мы долгое время наблюдали за их попытками выудить из речки рыбу, надеясь заодно разглядеть и последнюю, впрочем, без всякого на то результата, при том, что нетрудно было догадаться, с какой целью птицы глубоко погружают в воду свои длинные шеи. У дальней оконечности одного из островов, мы мельком сумели заметить амфибиеобразное существо сферической формы, катившееся по каменистому пляжу с огромной скоростью, и наконец исчезнувшему в реке, чье течение у оконечности этого острова было особенно быстрым. Мы вынуждены были, однако, оставить наблюдения за этой долиной, столь богатой неожиданностями, из-за туч, собиравшихся в лунной атмосфере, при том, что на Земле погода стояла идеально ясная. Однако, само по себе это уже было интересным открытием, ибо наблюдатели более раннего времени ломали себе голову над вопросом существует ли на этой планете напоенная влагой атмосфера, или же сходу отвергали такую возможность.

Луна к этому времени опустилась настолько низко, что д-р Гершель настоял на том, чтобы прервать наблюдения, ибо усиливающееся преломление лучей в лунной атмосфере не позволило бы нам далее вести наблюдение, к тому же, мы были потрясены и

перегружены впечатлениями от уже увиденного; посему мы единодушно согласились, что пора вызвать помощников, обслуживавших линзы, вознаградив их бдительное внимание к своему делу особенно щедрым количеством «Восточно-Индийского Особого». Не без сожаления, однако, мы смогли оторваться от великолепной долины, окруженной красными горами, которой в честь изображения на гербе нашего венценосного покровителя, мы присвоили имя «Долины Единорога», ее же можно отыскать на карте Бланта, в половине расстояния между Морем Изобилия и Морем Нектара.

Ночи 11 и 12 января выдались облачными, и посему непригодными для наблюдений. Но далее 13 и 14 числа, к вящему любопытству для всего человечества, нам удалось открыть еще множество животных форм. Мы вновь предоставим слово для их описания нашему ученому и не менее красноречивому корреспонденту.

День третий

Четверг, 27 августа 1835 г., утренний выпуск.

Эти великолепные, поражающие воображения открытия, сделанные нами в первую же ночь, и не менее ослепительные перспективы, которые, как нам казалось, они открывают для дальнейшего, заставляли ценить на вес золота любой час, когда выдавалась возможность вести наблюдения за Луной, и с большим трудом заставили нас примириться с тем неожиданным препятствием, которое явили собой две следующие облачные ночи, какие мы вытерпели с истинно философским спокойствием. При этом мы полностью посвятили досуг проверке правильности положения дополнительных распорок и стоек, установленных специально для поддержки 24-фунтовой линзы, т.к. нам стало казаться, будто она чересчур сильно раскачивается по причине сильного ветра, поднявшегося с утра 11-го числа.

Наконец, ночь на 13 (января) выдалась хрустально-прозрачной и просто чудесной. Луна, поднималась в небесах во всем своем пышном великолепии, и звезды, теснясь по ее сторонам, словно бы утверждали тем ее неоспоримое царить в небе

Южного полушария. Ввиду того, что нам оставалось в настоящем месяце не более двух ночей, до тех пор пока западное лунное полушарие не скроется из глаз по причине долготной либрации, каковая следом затем должна была немедленно наступить, д-р Гершель уведомил нас, что в этот раз наши усилия должны сосредоточиться на ее частях, помеченных на карте Бланта номерами 2, 11, 26 и 20, которым в более современном каталоге соответствуют наименования Эндимион, Клеомед, Лангрениус и Петавиус. Он же предложил использовать нынешнюю необыкновенно благоприятную ночь исключительно для наблюдений этих мест, а также районов, расположенных между ними вплоть до края западного лунного полушария. Обозначив для себя таким образом площадь в двадцать пять квадратных миль на лунной поверхности, задав телескопу медленное движение, мы в скором времени обнаружили, что в наше поле зрения попал весьма необычной формы объект.

Этот район состоит сплошь из горных цепей, самые знаменательные из которых образуют три узких овала, причем два из них почти соприкасаются друг с другом, причем переходом между ними служит скопище холмов, отличающееся достаточно большой высотой и протяженностью, напоминающих по виду моток пряжи, из которого вытянули две петли, сформировав вместе нечто вроде банта, третий овал также напоминает по виду моток пряжи, словно бы оброненный легкомысленной природой вслед за предыдущим, причем, воображение также позволяет увидеть в нем еще один бант из вытянутых петель, вытянутых из него самым причудливым образом в форме разбросанных там и тут на достаточно плоской равнине мелких холмистых образований, покрывающих собой большую ее часть.

Общий вид этого района столь необычен, что скрупулезно изображается едва ли не на всех картах лунной поверхности, выполненных вплоть до настоящего момента, причем на лучшей из них, принадлежащей Бланту, в точности согласуется с данным мной описанием. В пределах видимости, неподалеку от вышеупомянутой изломанной линии холмов, находится еще одна гора овальной формы, внутри которой лежит огромная долина, на западном же гребне ее располагается извергающийся вулкан, представляющий собой поистине грозное зрелище. К северо-востоку от нее, вслед за линией изломанных или как выразился мистер

Холмс, «слоняющихся» гор, находятся еще три прямоугольные формации, самая дальняя из которых, привлекающая также внимание своей шириной, отмечена в каталоге буквой F, причем носит причудливое название Mare Mortuum, иначе говоря «Озера Смерти».

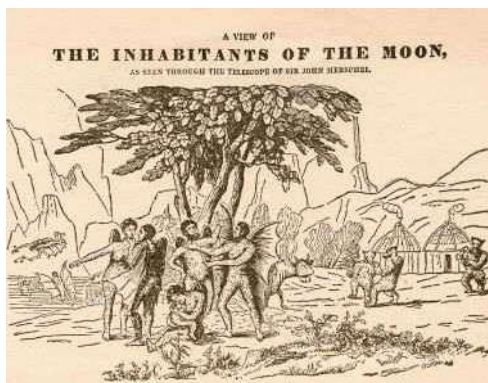
Снедаемые любопытством касательно того, что подвигло назвать это место столь мрачным образом более чем иным научным побуждением, мы впервые нацелили наши водородно-кислородные увеличители на фокальную проекцию, отбрасываемую большой линзой. Поле зрения телескопа, составляющее двадцать пять миль в диаметре, включило в себя всю площадь этого огромного горного цирка, и конечно же, среди прочего в него попали и два конической формы холма, вздымающихся внутри него и отстоящие друг от друга на расстояние пяти миль, однако же, несмотря на то, что видимое расстояние давало представление об объектах словно те находились на расстоянии двух с половиной земных миль от наблюдателя, мы никак не могли добиться четкости в изображении этих двух центральных холмов. Вокруг них не курился, по всей видимости, ни туман ни дым, как то было в случае с вулканом, оставленным нами в юго-западном направлении, однако же, на экране оба холма казались размытыми и еле заметными. Впрочем, поведя в сторону нашу линзу, подсвеченную газовым светом, мы немедленно разрешили загадку. Это были кратеры потухших вулканов, жерла которых продолжали куриться, выделяя из разогретых недр почти прозрачный дым, заставлявший воздух вокруг холмов дрожать и фосфоресцировать, что весьма неблагоприятно сказывалось на возможности наблюдения. Насколько мы могли судить в подобных условиях, глубина каждого кратера составляла около 12 фатомов, при полном отсутствии вулканического огня, цвет же их по всей глубине варьировался от желтоватого к белому. Диаметр обоих приблизительно в девять раз превосходил диаметр видимого фокального изображения, т.е. равнялся приблизительно 450 футов; в то время как диаметр внешнего кольца – около 1000 футов; несмотря на узкие жерла, эти две дымовые трубы поднимавшиеся из глубины лунных недр, без сомнения были заполнены до отказа пеплом и лавой, положившим конец дальнейшим извержениям, и визуальным увеличившим высоту, при том, что можно было предположить,

что эти давние извержения породили собой всю овальную горную цепь, окружавшую цирк.

Высота этих гор, в сравнении с уровнем нескольких располагавшихся вокруг них крупных озер, доходила до 2,800 футов; опираясь на этот факт, а также на то, что обломки извергнутой породы разбросаны были на много миль вокруг, д-р Гершель заключил, что вулканы эти были активны по меньшей мере в течение миллиона лет. Лейт. Драммонд в свою очередь предположил, будто вся территория овальной равнины представляла собой один огромный кратер потухшего вулкана, который, постепенно остывая, оставил после себя лишь эти два жалких воспоминания о своей прежней мощи. Я полагаю, что в конечном итоге д-р Гершель также пришел к подобному же предположению как весьма правдоподобно согласующемуся с общей географией планеты. Можно сказать, что едва ли не на каждую сотню миль лунной поверхности, не исключая дна крупнейших морей и озер, обязательно приходится одно или даже несколько круглых или овальных горных образований, причем огромное множество из них включают в себя холмы, жерла которых продолжают и поныне извергать лаву. Холмы эти немногим уступают по высоте окружающим их кольцевым образованиям, что без всякого сомнения свидетельствует в пользу факта, что все без исключения эти крупные вулканические образования представляют собой остатки огромной горы, недра которой выгорели дотла, оставив лишь эти широкие жерла в память о своем древнем грозном великолепии. Прямым доказательством тому служит великолепный образчик вулканической активности, и ныне извергающийся во всю мощь, на котором в дальнейшем я собираюсь остановить свое внимание.

Имя «Озера Смерти» кольцеобразная гора, описанная мною выше, как я полагаю, получила из-за мрачного вида своей внутренней долины, причем последняя, как то следует из нашего тщательного изучения, представляет собой обычный для этой планеты образчик водоема. Окружающая территория отличается исключительным плодородием: между этим цирком и № 2 (Эндионом), который мы собственно и собирались исследовать в первую очередь, нам удалось насчитать как минимум двенадцать пышных лесов, разделенных открытыми пространствами, утопавшими в море зелени, которые по всей видимости, представляют из себя прерии подобные североамериканским. В трех из

них мы сумели разглядеть многочисленные стада четвероногих напоминавших уже известных нам бизонов из Долины Единорога, но куда более крупных размеров, каждый островок леса, в свою очередь поражал обилием пернатых белого и красного цветов, стаями вьющимися над деревьями.

Обитатели Луны

Итак, мы самым тщательным образом исследовали Эндимион, не упустив ни единой подробности. Все три овальных образования оказались вулканического происхождения, пустыми и бесплодными, в то время как окружающие их низменные районы поражали глаз огромным разнообразием растительного мира, какой лишь мог произрасти на тучной и плодородной почве. Д-р Гершель в одном этом районе сумел определить не менее тридцати восьми видов лесных деревьев, причем количество разновидностей травянистых растений вдвое превышало эту цифру, стоит также отметить, что местные растения резко отличались от флоры присущей более низким, приэкваториальным широтам. Касательно животных, нам удалось выделить девять видов млекопитающих и пять видов пернатых. Среди первых стоит упомянуть мелкую разновидность северного оленя, благородного оленя, лося, рогатого медведя и двуногого бобра. Эта последняя разновидность во всем напоминает свое земное подобие с единственным отличием в том, что у лунного бобра отсутствует хвост, и неизменного пристрастия к передвижению исключительно на двух конечностях. Они же носят своих малышей в руках наподобие того, как это делают люди, и передвигаются грациозными скользящими движениями. Хижины их построены куда более добротно и отличаются большей высотой чем жилища многих человеческих племен, живущих на стадии дикости, по струйкам дыма,

поднимавшегося над многими из этих хижин можно без сомнения заключить, что им знакомо употребление огня, при том, что в строении головы и всего тела они почти полностью напоминают земного бобра за исключением уже упомянутого, встречаются они также исключительно по берегам озер и рек, из которых бывало показывались на несколько секунд.

В тридцати градусах к Югу, в районе № 11 или Клеомеде, обнаружилась огромная кольцеобразная гора, на которой выделялись три самостоятельных кратера, потухших в столь давние времена, что вся долина вокруг них, протянувшаяся на одиннадцать миль вокруг, сплошь поросла лесом, граница которого доходит едва ли не до самых горных вершин. Среди зелени почти невозможно различить ни пяди голой земли, за исключением вершин уже упомянутых кратеров, здесь же не нашлось ни единого представителя животного мира за исключением крупных белых птиц напоминавших собой аистов. В южной оконечности долины угадывается природная арка или пещера, высота свода которой составляет 200 футов, ширина же — 100, сквозь ее протекает река, с высоты 80 футов низвергающаяся затем в пропасть, стены которой сложены серым камнем, после чего превращается в ветвящийся поток, растекающийся на много миль по этой буколической местности.

В двадцати милях от водопада раскинулось огромное озеро или скорее, внутреннее море, простиравшееся на освещенной в данный момент стороне Луны на семь с половиной миллионов квадратных миль. Его протяженность с востока на запад составляла 198 миль, с севера на юг же 266 миль. По форме в северной части своей оно несколько напоминает Бенгальский залив, эта же часть забита мелкими островами, большинство из которых явно вулканического происхождения. На двух из них, находящихся с Восточной стороны свирепо извергались вулканы; однако же, нам не удавалось снизить более определенного предела разрешение нашего телескопа, слишком большая мощь которого не позволяла разглядеть их во всех деталях, при том, что в поле зрения постоянно оказывалось стоящее над ними облако из дыма и пепла, как сумел заметить лейт. Драммонд, смотрящий в телескоп при 2-тысячекратном увеличении, для них характерно было яркое свечение. В бухте располагавшейся на Западной стороне моря, мы заметили остров 55 миль в длину, месяцеобразной формы, на

всей своей протяженности поражавший глаз невероятно величественными и поразительными природными красотами, как то растительного так и геологического свойства. Местные горные образования смотрели в небо острыми пиками из кристаллического кварца, столь насыщенного желтого и оранжевого оттенков, что мы первоначально приняли их за пляшущие огненные языки, они же одиноко вздымались вверх среди круглых покатоЙ формы гребней, покрытых бархатным растительным ковром. Даже внутри очаровательного вида крошечных долин, присущих этому изогнутой формы острове, мы не раз обнаруживали эти выточенные природой шпильки, торчавшие из самой гущи зеленого леса словно церковные купола на Уэстермолендских равнинах.

Здесь впервые над довелось увидеть лунную пальма, отличающуюся от знакомой нам по земным тропическим широтам лишь необычностью формы своих крупных ярко-малиновых цветов, вместо привычных нам соцветий, выросших из единого материнского образования, при том, что нам не удалось увидеть ничего похожего на плод, последнее обстоятельство как мы предположили, имеет своей причиной огромные (теоретически предсказуемые) перепады присущие лунному климату. Впрочем, на одном своеобразного вида дынном дереве мы увидели огромное количество плодов, от едва завязавшихся, до полностью созревших. Зелень в этих лесах отличается густым оттенком зеленого, при том, что время от времени на глаза попадались небольшие включения разнообразных цветов, характерных для наших лесов во все времена года. Лихорадочный осенний румянец соседствовал здесь с зеленой дымкой едва пробудившейся весны, а веселый летний наряд в некоторых случаях со всех сторон окружал островки леса лишенного листьев, как будто бы жестокостью зимних морозов. Казалось, что все четыре времени года подали друг другу руки в вечном кружении хоровода.

Что касается животного мира, нам довелось заметить лишь элегантных полосатых четвероногих, порядка трех футов роста, напоминавших собой миниатюрных зебр; всегда пасшихся небольшими стадами на зеленых горных склонах, а также два или три вида длиннохвостых птиц, напоминавших по виду золотых и голубых фазанов. На речных берегах, однако же, нам попадались невероятно многочисленные одностворчатые моллюски, среди которых попадались гигантских размеров плоские особи, причем

все трое моих коллег согласно определили их как разновидность аммонитов, я же, признаться, также был готов оставить свой скептицизм, ранее заставлявший видеть в них всего лишь галечные окатыши. Горные пики возвышавшиеся по берегу, были до самой глубины своей изъедены приливом, покрыты пещерами, причем желтые кристаллические сталактиты, величиной своей превосходящие мужское бедро, торчали со всех сторон. В самом деле, казалось, что весь этот остров сначала и до конца представляет из себя кристаллическую структуру, любой пляж, попадавший в наше поле зрения был буквально усыпан огромным количеством битых кристаллов, кристаллическим же блеском отсвечивали трещины в толще выдававшихся в море мысов. Остров этот напоминал собой продукт восточной фантазии более чем оригинальный природный каприз, открывшийся нашему зрению благодаря всей мощи достижений в области оптической науки.

Бросающееся в глаза несходство этого острова с остальными, нами же увиденных в тех же водах, и его близость к материку, заставляло предположить, что когда-то он был частью последнего, особый вес этом предположению придавала то, что в месяцевидной бухте располагался островок, начинавший собой цепь подобных же, тянущуюся к материковой земле. Первый из них полностью состоял из кварцевой породы, размер его составлял около трех миль в окружности, во всей своем нагом величии вздымаясь из синей глубины, неприступное побережье не прерывалось ни единой бухтой, ни единым прибежищем для морехода. Однако же, поверхность его отливала на солнце сапфировым блеском, в чем первому острову подражали меньшие собратья, среди которых он отличался королевским величием. Наша теория в скором времени подтвердилась, ибо все видимое нам побережье материка вздымалось стеной и ощетинивалось пиками, сложенными из тех же недосыгаемых для нас природных драгоценностей, повернув сколь было возможно телескоп так, чтобы в поле зрения оказалась площадь постепенно исчезающая на ночной стороне планеты, мы насколько хватало глаз все же видели бесконечные сияющие массы того же камня, тянувшиеся на сотни миль и исчезающие вдаль. Точнее говоря, мы затруднились бы ответить, насколько тянулась вглубь эта захватывающая дыхание колдовская земля, ибо круговое вращение планеты уже прятало от наших

глаз часть этих горных вершин, мы же зрительно все более отдалялись от ее западной границы.

Мы же были настолько поражены открывшимся зрелищем, что не теряя больше времени, направили телескоп на следующий по плану объект для наблюдения, Лангрениус, или № 26, находящийся буквально по соседству с линией долготной либрации, с которым д-р Гершель по определенным соображениям, связывал возможность особенно поразительных открытий.

День четвертый

Пятница, 28 августа 1835 г., утренний выпуск.

После краткого перерыва, во время которого наш наблюдательный прибор с помощью специальных рычагов был перемещен несколько вперед, и линза установлена в новом положении, мы определились с местонахождением вышеупомянутого объекта и нацелились на него. Это оказалось узкое темное озеро семидесяти миль в длину, окруженное с восточной, северной и западной сторон красными горами совершенно идентичными по виду с теми, что окружают долину Единорога, отстоящую от этого места на 160 миль к Юго-западу. Это озеро как и уже упомянутая долина, граничит к Югу с плоской равниной более чем 10 миль в ширину, окруженной воистину потрясающим воображение амфитеатром, составленным из цепи величественнейшего вида лунных гор. На протяженности шести миль, полукружье этих гор прерывается обрушением, идущим вниз от гребня к подошве на манер того, как то можно увидеть в римском Колизее, в то время как гладкая, неповрежденная часть достигает высоты не менее 2 тысяч футов.

Каким образом природа сумела расправиться со столь громадной массой, столь неосмотрительным образом вырезав из нее кусок, я затрудняюсь ответить, однако без всякого сомнения именно части этой горной стены были разбросаны по равнине, представлявшей собой лежащую у подошвы плоскую низменность, единственным вспучиванием на которой служит полоска леса, прихотливо извивающаяся по озерному берегу, то здесь то

там меня свою ширину и очертания. Огромная высота и протяженность этого горного гребня ярко-малиновым цветом своих склонов неожиданно контрастировала с кромкой леса у вершины и зеленью, покрывавшей открытую равнину, лежавшую внизу, превращаясь на нашем экране в пейзаж поразительной красоты и величия, равного которому никому из нас не довелось видеть ранее. Наше поле зрения, способное охватить двадцать пять миль лунной поверхности, ныне включало в себя эту необычного вида гору, долину, часть озера и наконец ровным кругом вздымающиеся над последним вершины горной цепи, зажавшие его в кольцо едва ли не по самому берегу.

Мы все многое бы могли отдать, чтобы весь мир сумел насладиться подобным зрелищем, полным столь необычайного величия, сердца наши начинали учащенно биться при одной мысли, что наступит день, когда соотечественники наши, не покидая родной страны, также смогут насладиться подобным зрелищем. Однако же, нам пришлось против воли все же оторваться от этого зрелища, для того, чтобы еще увеличив разрешение телескопа, ради интересов науки обозреть окрестности озера уже по частям. Над равниной, что простиралась перед нашими глазами немедленно нависла рубинового цвета стена гигантского амфитеатра, на ней же открылись огромного размера образования, низвергающиеся водопады и причудливой формы пещеры. Почти неопишуемой глубины бегущий вниз склон, как то видно было на нашем экране, то здесь то там демонстрировал нам длинные включения некоего желтого металла, прихотливо свисавшего с разломов в горизонтальных слоях гора или ветвившегося в вертикальном направлении. Мы, конечно же, сошлись во мнении, что перед нами было самородное золото, при том, что среди нас не было пробирного мастера, способного принять или опровергнуть подобное заключение.

Обыскав равнину, над которой прихотливо вздымались полосы леса, разнообразием своим напоминавшие прихотливые очертания туч, мы с удовольствием отметили в ней наличие представителей животного мира. Первыми на глаза попались четвероногие с поразительно длинными шеями, строением головы напоминавшие овец, и двумя спиралевидными рогами, белыми словно хорошо отполированная слоновая кость, торчавшими противоположно один другому по двум сторонам головы. Телом

эти животные напоминали оленей, при том, что их передние ноги отличались непропорциональной длиной, а постоянно размахивающий хвост белым как снег, поднимался над крестцом крутыми завитками и свисал на сторону на два или три фута вниз. Эти животные отличались ярко-гнедой мастью с белыми подпалинами, четко очерченными на их теле, но весьма разнообразными по форме. Эти животные встречались исключительно парами на открытых пространствах между полосками леса, так что у нас не было никакой возможности понаблюдать за их повадками или скоростью передвижения.

Однако, не прошло и нескольких минут, как в нашем поле зрения появились три представителя еще одной породы, столь хорошо нам известной, что мы едва ли не рассмеялись в голос, найдя столь привычных земных животных на столь удаленной от нас планете. Перед нами разгуливали ни кто иные как три хорошо откормленных овцы, которыми не погнушались бы ни Лейстерширские фермеры, ни завсегдатаи Лененхоллского рынка. При всем старании мы не могли разыскать ни малейшего отличия между лунными овцами и хорошо знакомыми нам земными, у них не было даже волосяной вуали над глазами, которую я посчитал общим признаком всех лунных четвероногих. В данный момент мы могли наблюдать их в огромном количестве, и уменьшив разрешение наших линз, мы обнаружили, что овечьи стада попадаются то здесь то там в большей части долины. Нечего говорить, как мы были возбуждены и горели желанием во что бы то ни стало отыскать пастухов этих лунных стад, причем не удивились бы даже, попадись нам на глаза человек в синем фартуке с высоко закатанными рукавами, как вполне гармонично сочетающегося с овцами, однако же, те мирно разгуливали по равнине словно хозяева собственных пастбищ, причем рядом с ними так и не появился ни защитник, ни враг в человеческом облике.

В конце концов, мы добрались до плоской части равнины, выходившей непосредственно к озеру, где первая сужалась до мили в ширину и с обеих своих сторон была окружена горным пейзажем столь живописного и романтического свойства, что возможности описания его выходят за пределы сухой прозаической формы. Одно лишь воображение, взмыв вверх на крыльях поэзии, могло бы подыскать сравнения достаточные, чтобы дать представление о диком великолепии открывшегося перед нами пей-

зажа, где темные циклопические вершины нависали над грандиозными пропастями, напоминая собой средневековые замковые валы, штурмующие небо, при том, что леса словно бы висели в воздухе без видимой поддержки. На восточной стороне обретался один особенно высоко вздыбившийся пик, увенчанный деревьями, нависавшими над поверхностью гребня, выдаваясь вперед на три четверти расстояния до противоположного склона словно бы готические арки, поверхность же его насыщенно-малинового оттенка поражала ум, непривыкший еще к сочетанию столь подавляющей величественности со столь всеобъемлющей красотой.

Наблюдая же эту картину на расстоянии словно бы составляющим около полумили, мы было онемели от изумления, когда в наше поле зрения попались четыре следующие друг за другом стаи крупным крылатых существ, ничем не напомилавших ни одну из знакомых нам разновидностей пернатых, которые ровно и размеренно взмахивая крыльями опускались с горных вершин, бывших на западной стороне, прямо вниз на равнину. Первым их заметил д-р Гершель, воскликнувший: «Ныне, джентльмены, в противовес вашему скептицизму, который вы ранее полагали весьма хорошо обоснованным, мои предположения оказались верными, и нам найдется на что посмотреть, я с самого начала был убежден, что если нам посчастливится обнаружить человекообразных существ, случится это именно в районе этого меридиана, они же наделены Создателем совершенно неожиданным средством передвижения: но прежде следует заменить линзу на другую, обозначенную буквой D.» В скором времени указанная линза была вставлена в гнездо, предоставив нам вид словно бы с расстояния в полумиллю, после чего мы насчитали три последовательных стаи этих существ, числом в двенадцать, нет в пятнадцать в каждой, двигавшихся уже на двух ногах по направлению к небольшому лесу на Западном склоне, обрывавшемся затем в серию пропастей.

Действительно, эти существа напоминали людей, особенно сейчас, сложив крылья, они держались на двух ногах со спокойным достоинством. Понаблюдав за ними с уже названного расстояния в течение нескольких минут, мы вставили в гнездо линзу Nz, приблизившую их к нам на видимое расстояние до 80 ярдов; высшее возможное разрешение, которым мы обладали вплоть до конца прошлого марта, после чего несколько улучшили механиз-

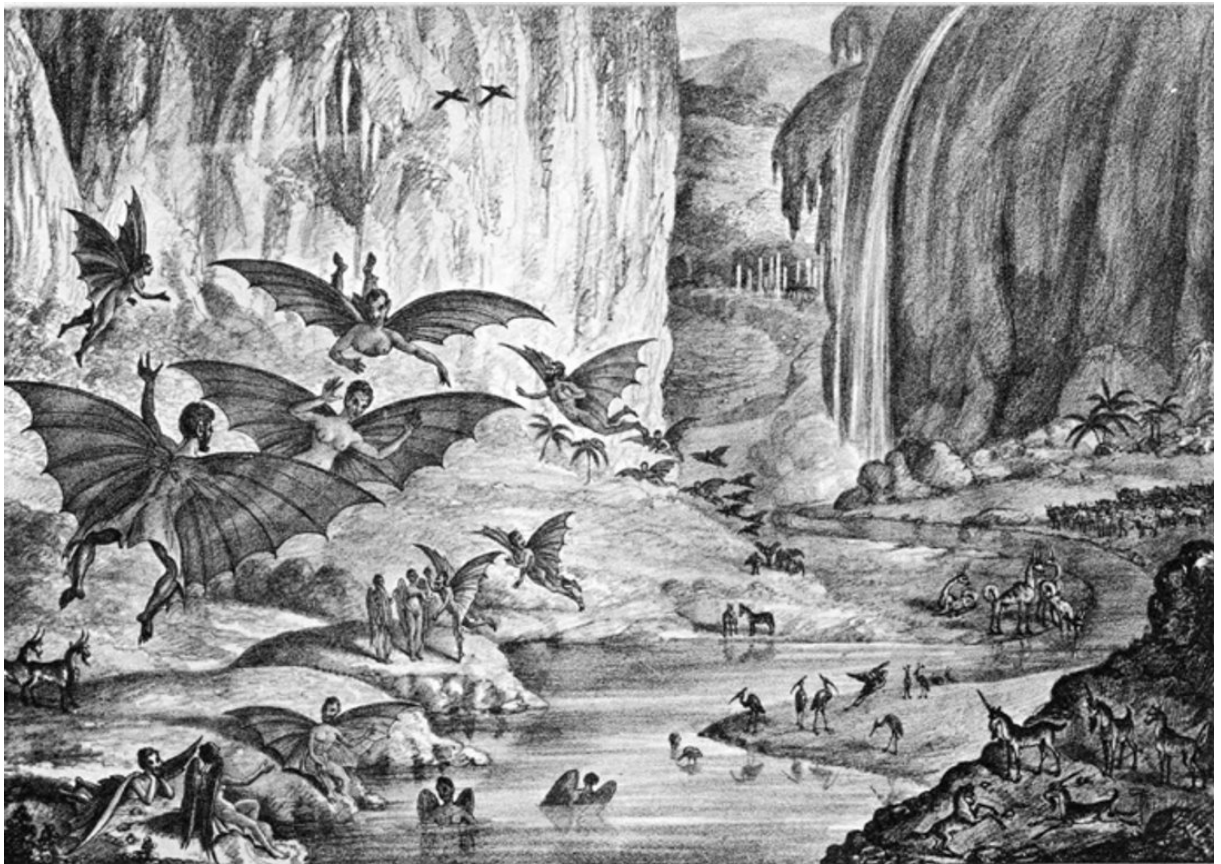
мы наших газовых горелок. Около половины первой стаи уже успело исчезнуть с экрана, но остальных мы могли рассмотреть со всей четкостью и определенностью. Рост их равнялся приблизительно четырем футам, все тело за исключением лица покрыто короткими лоснящимися волосами медного оттенка, крылья же представляли из себя тонкую перепонку, лишенную волосяного покрова, удобно сложенную и свисавшую со спины от высоты плеч и вплоть до икр. Лицом, отличавшимся желтовато-телесным оттенком, эти существа были немногим красивее крупных орангутангов, при том, что выражение их отличалось большей открытостью и видимой разумностью, лоб же был гораздо выше чем у последнего. Рот очень широкий, впрочем, это впечатление сглаживалось густой бородой, покрывавшей нижнюю челюсть, при том, что губы были скорее человеческого чем обезьяньего вида.

Общей гармоничностью своего сложения и симметрией между конечностями и телом они много превосходили орангутангов, вплоть до того, что по словам лейт. Драммонда, не будь у них длинных крыльев, они напоминали бы собой отряд кокни из какого-нибудь старомодного ополчения, марширующих в парадном строю! Волосы на голове были темнее чем на теле, круто вились, но при том были именно волосами, а не шерстью, и весьма любопытным образом завивались в полукружья над висками. Ступни можно было разглядеть лишь в тот момент, когда эти существа поочередно поднимали ноги для ходьбы, но из того что можно было разглядеть за столь короткий момент, они казались достаточно тонкими и выдающимися назад в области пятки.

Двигаясь по нашему экрану от одного конца к другому, и позднее, когда нам случалось их видеть, эти существа были без сомнения поглощены беседой, свойственная им жестикуляция, особенно оживленные движения рук, показалась нам весьма колоритной и эмоционально окрашенной. Из всего виденного мы сделали вывод, что перед нами разумные существа, быть может, быть может, уступающие по развитию интеллекта другим, которых нам довелось наблюдать уже в следующем месяце на в Радужной Бухте, эти последние обладали способностями к изготовлению как произведений искусства так и причудливых безделушек. Дальнейшее наблюдение дало о них еще более благоприятное впечатление. Мы увидели их впервые на берегах небольшого озера или быть может, широко разлившегося потока, стремивше-

го свои воды к широкому озеру на другой стороне долины, и поросшего по восточному берегу небольшой полоской леса.

Часть из этих существ пересекла вброд поток и улеглась на манер распластанных орлов у внешней кромки леса. Как нам удалось установить, крылья у них отличались большим размахом и напоминали по строению крылья летучей мыши, образовывавшим криволинейную структуру, разворачивавшуюся посредством радиальных выростов, соединенных со спиной посредством покровных тканей. Нас, однако, поразил тот факт, что эта мембрана продолжалась далее вниз от плеч к самым ногам, не прерываясь вплоть до нижнего конца, но постепенно теряя ширину. Крылья, по-видимому целиком и полностью управлялись волеизъявлением владельца, как то следовало из факта, что несколько подобных существ, которых мы застали за купанием, на короткое время распрямляли их в полный размах, хлопали ими на манер уток, стряхивающих с себя таким образом воду, и наконец столь же мгновенно целиком складывали их снова.

Наше последующее наблюдение за повадками этих существ, принадлежавших к обоим полу, принесло результаты столь впечатляющие, что я предпочел бы, чтобы широкая публика вначале

ознакомилась с ними по собственному отчету д-ра Гершеля, где, по моему личному убеждению, они изложены со всей полнотой и обстоятельностью, несмотря на всю невероятность обстоятельств, при которых они были получены.

Три семейства затем почти одновременно раскинули крылья и исчезли за темной каймой, ограничивавшей наш экран прежде чем мы успели выйти из оцепенения, в которое нас повергло увиденное. Научным языком мы определили их как *Vespertilio-homo*, иными словами, летучий мышечеловек, они без сомнения представляли из себя невинных и совершенно счастливых существ, несмотря на то, что некоторые их развлечения с большим трудом можно было согласовать с нашим земным понятием о приличиях. Саму долину мы окрестили Рубиновым Колизеем, в честь окаймлявшей ее с юга гигантской горной цепи, протяженность которой доходила до шести миль, в то время как высота обрывистых склонов составляла две тысячи футов. Ввиду того, что ночь, или точнее сказать, предутренний сумерек уже занимался зарей, мы отложили предполагаемое исследование Пенавиуса (№ 20) до иного времени.

Мы, конечно же, беспрекословно подчиняемся настояниям д-ра Гранта, потребовавшего от нас опустить несколько исключительно интересных пассажей, бывших частью его записей, при том, что для нас так и остались непонятными причины, заставившие его поступить подобным образом. Действительно, опущенные части содержат некие факты, могущие показаться совершенно невероятными тем из наших читателей, кто не знаком близко с принципами работы и возможностями инструмента, с помощью которого удалось сделать столь замечательные открытия; но это же касается в равной мере и того, что он великодушно разрешил нам выпустить из печати, именно поэтому мы посчитали совершенно необходимым начать наш репортаж с как можно более детального описания устройства телескопа. Из этих, как впрочем, и иных вычеркнутых частей, которые позднее будут изложены самим д-ром Гершелем, заверенные официальными документами, исходящими от гражданских и военных властей колонии, а также нескольких епископальных, методистских и иных священников, которым в марте месяце при условии полного молчания вплоть до определенного времени позволено было наконец посетить лабораторию и собственными глазами убедиться в ре-

альности чудес, существование которых им предстояло заверить своими свидетельскими показаниями, мы же уверены в том, что последующие публикации немедленно по выходе произведут переворот в науке, и привлекут к себе общественный интерес больший, чем когда-либо вызывало любое сообщение опубликованное прессой.

Ночь на 14 число пришлась на широтную лунную либрацию, так что последняя показалась самым полным образом; но достаточно высокая влажность атмосферы в течение нескольких часов препятствовала возможности рассмотреть мелкие детали на поверхности планеты, при том, что отнюдь не мешала широкому обзору, мы посвятили большую часть времени последнему. Но вскоре после полуночи туманная дымка развеялась окончательно, погода стояла такая же ясная, как в бывшие до того вечера, и внимание астрономов было приковано к примечательным очертаниям района известного под именем Тихо, № 18 в лунном каталоге Бланта) исследование же этой местности многократно пополнило сокровищницу человеческого знания, предоставив нам сведения, которые даже ангелы не отказались бы получить. Множество из того, что будет описано далее навсегда останется в анналах истории.

День пятый

Суббота, 29 августа 1835 г., утренний выпуск.

На поверхности Луны, если вести ее наблюдения во время широтной либрации, даже при помощи телескопа с достаточно малой разрешающей способностью, четко различаются очертания трех океанов достаточно значительных как объемом так и протяженностью береговой линии, и дополнительно к тому семь крупных водоемов, которые с достаточной на то уверенностью можно назвать морями. Что же касается меньших из них, открытых благодаря инструментам более высокого качества, и обычно называемых озерами, количество их столь огромно, что никто еще не предпринял попытки назвать их точное число. Действительно, подобная работа немного бы уступила попытке сосчитать количество округлых цирков, в изобилии возвышающихся на лунной

поверхности как то над сушей, так и над водной гладью. Крупнейший из трех океанов занимает собой значительную часть лунного полушария, расположенного между северной орбитальной плоскостью планеты и западной частью плоскости экватора, простираясь, впрочем, от последней далеко на Юг. По длине западной своей границе, он столь близко подходит к границе лунной сферы, что во многих местах цепочки ярко-освещенных солнцем гор особенно резко бросаются в глаза в сопоставлении с затененными и потому кажущимися особенно темными глубокие океанские впадины, при том что острова, полуострова, мысы и тысячи иных географических образований, имена которым мы не в силах подыскать ввиду бедности наших познаний в этой области, смело выдавались вперед, словно наслаждаясь своим горделивым одиночеством и затерянностью в бесконечных и неоглядных просторах этого великолепного вида океана.

Один из самых примечательных мысов этого типа, имени которого, как я полагаю, еще нет на лунных картах, начинается с островного района, которому прежние астрономы дали имя Коперник, как мы вскоре сумели убедиться, буквально кишел многочисленными достопримечательностями чисто природного происхождения. Действительно, этот мыс уникален во многих отношениях. Его северная оконечность напоминает по форме императорскую корону, увенчанную на конце пышным бантом, узел которого образует гряда холмов, уходящих вниз к самому его основанию. По обе стороны от этого узла располагаются два озера, каждое в восемьдесят миль ширины, между обоими, отделенное от них вышеназванной цепочкой холмов располагается третье, большее по объему чем оба они взятые вместе, формой своей представляющее почти идеальный квадрат. За этим последним располагается озеро неправильной формы, отделенное от него еще одной цепочкой холмов, а вслед за этим последним еще два узких озера, ориентированных в меридиональном направлении на север от собственно материка. Таким образом, в основании своем этот гористый мыс выдается в океан на 396 миль, неся на себе шесть достаточно больших по объему озер, скрытых между его гористыми ребрами. Великолепно выполненная лунная карта Бланта с идеальной точностью воспроизводит это грандиозное творение природы, так что читатель к своему полному удовле-

творению сможет сопоставить данное мною описание с изображением, которое в ней найдет.

Сразу за этим следует расположенное здесь же в океане на редкость замечательное образование, которое представляет собой неожиданно яркий и блестящий круглый цирк огромный как по высоте, так и по длине внешней окружности, отстоящий на 330 миль на восток-юго-восток, известный под именем Аристарха (№ 12) , и отмеченный на вышеназванной карте как крупная гора с глубокой полостью расположенной в центре. Эта полость, как ныне так и в прежние времена представляет собой вулканическое жерло, могущее поспорить разрушительностью вызванных им извержений с Везувием и Этной в самые грозные времена их активности. При том, что состояние атмосферы отнюдь не способствовало тщательным наблюдениям, мы все же без труда сумели разглядеть светящиеся осколки на площади более шестидесяти миль от собственно горы, таким образом, если у нас еще оставались бы сомнения касательно мощи лунных вулканов, их способность рассеивать обломки на таком значительном расстоянии от кратера, в противодействие лунному тяготению, с необходимостью заставившего бы их упасть неподалеку, и многочисленность массивных аэролитов, разбросанных по всей поверхности, центром которой являлся Аристарх и которая попадала в поле зрения наших приборов, вынудила бы нас раз и навсегда распрощаться с подобным скепсисом. Несмотря на то, что гора эта находится в 300 милях от берега, она не является островом в собственном смысле слова, т.к. с материковой линией ее соединяют четыре горные цепи, расходящиеся во все стороны от этого общего центра.

Следующий по величине океан лежит к западу от меридиональной линии, разделенный экватором почти что посередине, причем протяженность его с Севера на Юг составляет около 900 миль. В каталоге он обозначен буквой С и прихотливым именем Моря Спокойствия. Можно сказать, что он представляет собой не единый водоем, но скорее два крупных моря, соединенных по линии экватора проливом шириной не более 100 миль. На водной поверхности можно разглядеть всего лишь три крупных циркуобразных острова, расположенных вдали от его берегов, также следует заметить, что у северной границы его находятся несколько поражающих воображение вулканов, при том, что один из са-

мых грандиозных находится в 120 милях от вышеупомянутого Моря Нектара.

Едва ли не соприкасаясь с этим вторым океаном и отделенный от него лишь беспорядочной материковой и островной линиями, находится третий океан, обозначенный буквой D, и известный под именем Моря Спокойствия. Его форма напоминает правильный квадрат, длиной и шириной равно составляющий около 330 миль. Впрочем ему присуща достаточно необычная и замечательная особенность как то идеально ровная гряда холмов, шириной не более 5 миль, составляющая прямую линию, протянувшуюся от южного к северному побережью и пересекающая его строго посередине. Эта линия является единственной в своем роде, ничего даже отдаленно напоминающее это образование не существует ни на земной ни на лунной поверхности. Эта горная цепь столь идеально правильна и ровна, что отражающийся от нее солнечный свет позволяет разглядеть ее даже в телескоп относительно малой мощности, но сам характер этого образования столь необычен, что мы не смогли устоять против искушения на время оставив общий обзор местности, которому ранее собирались посвятить свое время, и полностью сосредоточиться на том, чтобы рассмотреть ее во всех деталях. Наша линза Gx приблизила ее на минимальное расстояние около 800 ярдов, и ширина горной цепи, составляющая четыре или пять миль целиком заполнила собой экран. Ничто увиденное ранее не сумело потрясти нас до такой степени, хотите – верьте, хотите – нет, но гора эта была от вершины до самого основания представляла собой один огромный кристалл, гребень ее по всей длине, составлявшей около 340 миль представлял собой острую грань твердого кварца, блеском своим не уступавший дербиширскому шпату, едва лишь добытому и поднятому из шахты, причем на гладкой поверхности не было почти ни единой трещины! Что за невероятную власть наш в тринадцать раз больший шар возымел над своим спутником, в то время как тот представлял собой лишь эмбрион в утробе времени, пассивно подчиняющийся прихотям химической эволюции! Увиденное показалось нам удивительным и чудесным, ибо все существующее в этом далеком от нас мире, кажущееся нам невероятным по причине собственного незнания и невежества, которому надлежит смениться предвкушением новых откры-

тий и благоговейной верой в бесконечное всемогущество Создателя.

Темная водная поверхность к Югу от первого из океанов ранее полагалась второстепенным водоемом, нам же удалось выяснить, что речь идет об одном из огромнейших морей, окруженном сушей со всех сторон, переполненным островами и мысами куда более многочисленными чем то изображено на какой-либо из выпущенных до настоящего времени лунных карт. Один из этих мысов начинается неподалеку от Питатуса (№ 19), и тянется в виде очень тонкой извилистой линии вплоть до Буллиалдуса (№ 22), представляющего собой округлое его завершение, располагающееся в 264 милях от основания. Он представляет собой еще одну горную цепь и морской вулкан, почти что потухший, мирно уснувший на подстилке из им же выброшенного пепла, при том что Пиктатус, обретающийся в начале резко очерченного мыса на южном берегу, извергается во всей своей мощи, утопая в языках пламени. Атмосфера в это время полностью очистилась от водяного пара и мы установив увеличители, направили их на яркий круг холмов, толпившихся по соседству с западной оконечностью огнедышащей горы. Холмы эти были сложены из снежно-белого мрамора, или быть может, полупрозрачных кристаллических структур, с точностью определить это не представлялось возможным, их цепь опоясывала собой еще одну живописного вида зеленую долину, которые пусть и достаточно однообразны в описании, являют собой зрелище плодородия и райской красоты, напоминая собой первобытный Эдем, к вящему удовольствию своих обитателей.

И вновь д-р Гершель с той же проницательностью как и ранее предсказал еще одну напрашивающуюся возможность. Он предположил, что близость огнедышащей горы — Буллиалдуса, должна представлять для местных жителей немалую выгоду, ввиду того, что лунная поверхность на достаточно долгое время погружается во тьму, и посему долина эта способна служить подобием популярного курорта для обитателей близлежащих районов, при том, что цепь холмов способна послужить им надежной защитой против вулканической активности любой силы. Мы в свою очередь решили пустить в ход все имеющиеся в нашем распоряжении средства, чтобы изучить ее в полной мере, и надо сказать, наши усилия были весьма щедро вознаграждены.

Первым же на нашем экране, едва мы нацелили телескоп на эту долину, явилось удивительное творение рук человеческих. Это был храм, как воплощенное служение благочестию или науке, ибо последняя, ежели она служит во славу Творцу есть благочестие высшего порядка, лишенное всякого лицемерия, пышных одежд или кощунственной карикатурности, которую представляет противоречивый клубок суеверий, но собственной подписью и печатью заверяет чистоту и возвышенность своих порывов. Итак, это был храм имеющий форму равностороннего треугольника, стены его были сложены из полированного сапфира, или иного столь же великолепного синего камня, который сходно с сапфиром переливался миллиардами золотистых искр, поблескивавших и игравших в свете солнечных лучей.

Несмотря на то, что ширина экрана составляла пятьдесят футов в диаметре, ее хватало чтобы уместить в себе при каждой проекции не более шестой части храма, первая из этих частей, появившаяся перед нашими глазами, представляла собой центральную часть одной из сторон, в ней различались три квадратных колонны, диаметр основания каждой из них равнялся шести футам, каждая из колонн поднималась на высоту семидесяти футов, немного сужаясь к верхнему концу. Расстояние между колоннами равнялось двенадцати футам.

Мы постепенно перешли на более общий обзор, чтобы иметь возможность одновременно охватить все здание полностью, оно же действительно оказалось невероятно красивым. Крыша сделана была из некоего желтого металла, и состояла из трех частей, которые представляли собой отнюдь не треугольники, сходящиеся к центру, но дополнительно дробились, искривлялись и разделялись между собой, представляя таким образом картину бушующего пламени, начавшегося с единого очага возгорания и яростно пляшущими языками распространившегося во всей стороны.

Это архитектурное решение столь красноречиво говорило само за себя, и было выполнено столь безукоризненно, чтобы ни на минуту не принять его за творение природы. Сквозь щели между этими металлическими языками пламени мы смогли рассмотреть шар из более темного и матового металла, по цвету схожего с медью, которую внешние части закрывали собой и плясали вокруг, словно бы пытаясь поглотить и сжечь без остатка. Таковой была

крыша, но на каждом из трех углов различалась меньшие шары, сделанные по всей видимости из того же металла как и большой шар в центре, они же покоились на подобии карниза, несходного по своему в виду ни с одним архитектурным стилем знакомым нам ранее, и при том, производившего впечатление исключительной легкости и красоты. Этот карниз напоминал собой полуразвернутый свиток, смело раскрывавшийся прямо от кромки крыши, и волнообразными витками свисавший далеко вниз. Сделан он был из того же металла как и пламя, и раскрыт с начала и до конца на каждой из стен здания. Колонны, число которых с каждой стороны равнялось шести, были простыми и круглыми в основании, не украшенных ни пьедесталами ни капителями, без каких-либо надписей или орнамента, та же бедность характерна была и для остальных частей здания. Последнее было открыто для наблюдения со всех своих сторон, и по всей видимости, внутри него не было ни сидений, ни алтарей, ни жертвенных приношений, в то время как сама структура его казалась легкой и воздушной, причем расстояние от белого блестящего пола и вплоть до переливающейся в лучах солнца крыши составляло около ста футов, оно же было построено на круглом покрытом зеленью возвышении в восточной части долины.

Позднее мы заметили еще два храма, представлявшие собой полное подобие первого, но ни в одном из них не было никого кроме стай диких голубей, устроившихся на сияющих шпилях. Следовало ли понимать, что верующие, ранее собиравшиеся в этих храмах разделили участь всех живущих или храмы эти были всего лишь историческими памятниками? Что построившие его вдохновенные мастера хотели передать изображая шар, окруженный языками пламени? Желали ли они подобным образом рассказать о катастрофе, постигшей в давние времена их мир или предсказать катастрофу, ожидающую в будущем наш? Я же признаюсь в полном бессилии в попытках ответить на эти и на тысячи иных вопросов, возникающих перед нами, когда речь заходит о вещах, встреченных нами на этой планете, ибо нам не удалось изучить даже миллионную часть ее поверхности, мы же горели желанием собрать наибольшее возможное число новых наблюдений и фактов, чем посвятить себя изобретению умозрительных теорий, какими бы соблазнительными последние не казались нашему воображению.

День шестой

Понедельник, 31 августа 1835 г., утренний выпуск.

Нам недолго пришлось разыскивать обитателей долины Триад. Почти немедленно от внешней кромки леса, ее окружавшего, на расстоянии полумили, на возвышенности, где располагался первый из храмов, мы увидели несколько разрозненных групп существ, в которых мы с первого взгляда определили как принадлежащих к той же разновидности как и наши крылатые друзья из Рубинового Колизея что по соседству с озером Лангрениус. Увеличив разрешение нашего инструмента, мы определили, что почти все особи, слагавшие эти группы, ростом и крепостью сложения превосходили виденных нами прежде, их кожа была светлее, сам их вид говорил принадлежность к более высокоразвитой расе. Большой частью они были заняты тем, что поедали некий большой желтый фрукт, видом своим напоминавший тыкву-горлянку, они пальцами разделяли ее на ломти и ели жадно и достаточно неопрятно, отшвыривая прочь кожуру. Красный фрукт меньшего размера, формой своей напоминавший огурец, который мы и ранее многократно замечали на деревьях с широкими темными листьями, ныне громоздился кучами, вокруг которых толпились представители нескольких живописного вида групп, впрочем, они довольствовались тем, что предварительно покатав его между ладоней и откусив кончик, высасывали сок.

Они производили впечатление бесконечно счастливых существ, впрочем, отличаясь своеобразной вежливостью, так как ближайšie к кучам, как мы то неоднократно замечали, выбирая самые крупные и спелые фрукты, перебрасывали их через головы остальных на противоположную сторону круга некоему другу или знакомцу, расправлявшемуся в свою очередь с разбросанными вокруг него фруктами, в которых, надо заметить, недостатка никто не испытывал. Таким образом, увлеченные своим сельским пиршеством или непринужденной беседой, они сидели на плотной траве как правило поджав под себя ноги, сложив пятки вместе, причем каждая из групп располагалась в форме треугольника, по какой-то непонятной причине этой фигуре, они отдавали

несомненное предпочтение, каждая из групп первоначально уст-раивалась именно в таком положении прежде чем рассеяться во все стороны, что, как мы заметили, всегда выполнялось по знаку одного из ее представителей, который входил в центр и складывал над головой руки, сложенные вместе под острым углом. При этом каждый из членов группы выбрасывал вперед руки, так что кончики пальцев образовывали острый горизонтальный угол. Впрочем, это было не единственным доказательством социальной организованности и дисциплинированности данных существ.

Нам не довелось застать их в процессе каждодневного труда или изготовления предметов обихода или произведений искусства. Насколько мы могли судить, они беззаботно проводили время собирая в лесу разнообразные фрукты, поедая их, летая, купаясь, и бесцельно слоняясь по вершинам и пропастям. При том, что они без всякого сомнения являли собой самых высокоразвитых животных из всех населявших эту богатую и плодородную равнину, но отнюдь не являлись ее единственными обитателями. Здесь же собрались почти все животные, из тех что нам уже довелось наблюдать в иных местах, вплоть до самых отдаленных, впрочем, к уже известным нам видам четвероногих, добавилось восемь или девять новых. Самым привлекательным среди них был крупный белый олень с роскошными ветвистыми рогами, цвета африканского черного дерева. Нам несколько раз довелось увидеть как это грациозное создание подходило едва ли не вплотную к сидящим тут и там группам полулюдей, уже мною описанных, и щипало траву по соседству, не проявляя никаких признаков страха, в то время как последние не обращали на животное никакого внимания.

Ничем не нарушаемая дружба между всевозможными разновидностями лунных существ, и видимое отсутствие кровожадных свирепых хищников доставили нам живейшее удовольствие, заставив нас всех проникнуться вдвое большей чем ранее нежностью к милому ночному спутнику нашего большего по размерам но куда менее благодатного мира. И отныне и навечно, каждый раз когда «небесный эфир разверзается весь беспредельный» (Гомер, Илиада песнь 8), смогу ли я не вспомнить вновь всю красоту, величие и счастье, каковое мне довелось на ней увидеть, причем не «как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» (1 Послание Павла Коринфянам 13:12) и не при-

дут ли мне вновь на память строки нашего трижды величайшего
из поэтов

«Дианы рог мерцающий плывет
И сны забыты гордости бесплодной,
И в памяти встает за годом год»

(Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда)

Внимательно изучив эту долину, столь щедро пополнившую наши познания и закончив научное описание имеющихся здесь представителей растительного, животного и минерального царств, астрономы подвели итог трудам этой ночи, трудам скорее умственного чем физического свойства, подавляющими сознание тем постоянным потоком ярких впечатлений, ими же порождаемых.

Из ряда вон выходящее событие, случившееся на следующий день вывело телескоп из строя почти на неделю, после чего вплоть до конца месяца вести наблюдение за Луной было уже невозможно. Большая линза, которую обычно спускали вниз и укладывали в горизонтальное положение, действительно была опущена вниз, как то и полагалось, и при том неосторожно оставлена в перпендикулярном положении. В соответствии с тем, вскоре после восхода солнца на следующее утро, д-р Гершель и его ассистенты, д-р Грант и г-да Драммонд и Хоум, спавший в одноэтажном домике, построенном неподалеку от обсерватории, разбужены были воплями голландских фермеров и приобщившихся к цивилизации готтентотов, (которые как раз проходили мимо, гоня быков на поле для пахоты), будто «большой дом горит!» Д-р Гершель немедленно очнувшись от сна, выскочил вон из постели и конечно же, увидел свою собственную обсерваторию окутанную клубами дыма.

К счастью, внутри и снаружи она была оштукатурена слоем гипса, в противном случае, она бы без всякого сомнения погибла вместе со своим бесценным содержимым, но как бы то ни было, в «рефлекторной», располагавшейся в той же части обсерватории, что и собственно линза огнем прожгло дыру в пятнадцать футов в диаметре, дыра эта прошла через экран, успевший отразить множество чудес, которым навсегда суждено остаться в человеческой памяти, насквозь прожжена оказалась и внешняя стена. Столь жгучей оказались солнечные лучи, сфокусировавшиеся в пучок

посредством гигантской линзы, что занялась даже небольшая рошица оказавшаяся у них на пути, гипс же покрывавший стены обсерватории вокруг прожженной дыры расплавился, превратившись в голубое стекло. Линзу почти немедля переместили в горизонтальное положение, пламя потушили также достаточно быстро, т.к. на расстоянии нескольких сотен ярдов от обсерватории протекал ручей, но к сожалению, ущерб причиненный этим событием был достаточно велик. К счастью, из микроскопа успели загодя вынуть с целью очистки, в то время как несколько металлических рефлекторов сплавилась воедино, превратившись в груды лома. Из Кейптауна со всей поспешностью вызвали плотников и каменщиков, однако, потребовалось около недели, чтобы привести саму обсерваторию и находящиеся внутри приборы в рабочее состояние.

Луна за это время успела скрыться из виду, и посему д-р Гершель обратил внимание на крупнейшие планеты солнечной системы, первым из которых оказался Сатурн. Общеизвестно, что эта замечательная планеты многие годы привлекала к себе повышенное любопытство астрономического сообщества. Величественного вида двойное кольцо успешно противостояло всем попыткам многих поколений астрономов внятно объяснить его существование, которые наконец оставили свои попытки за полной их безнадежностью. Также хорошо известно, что эта планеты располагается на расстоянии 900 миллионов миль от Солнца, отличаясь громадным диаметром в 79,000 миль, в девятьсот раз превосходящим земной. Годичный оборот вокруг Солнца занимает не менее двадцати девяти с половиной земных лет, в то время как суточный оборот вокруг оси составляет 10 часов 16 минут, т.е. более чем вдвое короче земных суток. Вокруг планеты вращаются ни много ни мало семь лун, шестая и седьмая из которых были обнаружены Гершелем-старшим в 1759 году. Видимую поверхность планеты пересекают таинственного вида ленты или пояса желтоватого оттенка, ее же окружает двойное кольцо, внешняя часть которого составляет 204,000 миль в диаметре. Внешний диаметр внутреннего кольца составляет 184,000 миль, а ширина внешнего - 7,200 миль, расстояние между обоими составляет 28,000 миль. Ширина внутреннего кольца, которое значительно крупнее другого, составляет 20,000 миль; его расстояние от собственно планеты – более 30,000 миль. Кольца эти непрозрачны

для наблюдателя, но столь тонки, что вплоть до сегодняшнего дня никому не удалось обнаружить где заканчивается их край.

Наиболее неожиданным открытием сэра Джона Гершеля касательно этой планеты, следует считать убедительное доказательство, что оба кольца состоят из обломков двух разрушенных планет, когда-то принадлежавших нашей солнечной системе, обломки которых, будучи рассеяны взрывом, собрались, однако, вокруг огромного тела Сатурна, будучи принуждены к тому силой гравитации, и в то же время удерживаемые от падения на поверхность планеты мощной центробежной силой, развитой огромной скоростью, с которой они вращаются в плоскости ее эклиптики. Внутреннее кольцо, таким образом, представляет из себя остатки первого из этих миров, (прежнее положение которого в нашей солнечной системе вместе с доказательствами подобной точки зрения мы прилагаем в специальном отчете), обломки которого увлеченные центробежной силой, разлетелись во все стороны создав фигуру, которую нам сейчас доводится наблюдать. Внешнее кольцо представляет собой обломки еще одной планеты, увлеченные к Сатурну посредством гравитации так же как и в первом случае, соединению же внешнего и внутреннего колец препятствует центробежная сила присущая последнему. Это последнее, вращающееся медленней собственно планеты, обладает меньшей центробежной силой, ввиду чего расстояние между внешним и внутренним кольцом в десять раз меньше, чем расстояние между внутренним кольцом и поверхностью планеты. Определив среднюю плотность колец в сравнении с плотностью планеты, сэр Джон Гершель сумел разработать удивительно красивую модель [каковую мы опускаем как слишком математически сложную для среднего читателя -- Ред. *Sun.*]

Д-ру Гершелю удалось убедительно доказать, что кольца эти имеют каменистую структуру, бывшую когда-то основой прежних планет, и ныне находящуюся в состоянии отчаянного смешения и хаоса, при том, что на их поверхности можно различить остатки прежних морей и гор. Полосы же, пересекающие поверхность Сатурна, как ему же довелось убедиться, представляют собой дым от извержений мощных вулканов, которому огромная скорость вращения планеты придала форму прямых линий. [То же самое, как удалось доказать, справедливо и для полосы пересекающей поверхность Юпитера. Но часть работы, касающаяся

этого предмета а также исследования прочих планет, и описания астрономических открытий касательно звезд, вряд ли представит интерес для обыкновенного читателя, при том, что вызовет острый интерес у всех, кто искушен в вопросах науки и математических выкладках. - Ред. *Sun.*]

И только после наступления мартовского новолуния, погода стала наконец благоприятствовать новым наблюдениям за Луной, при том, что внимание д-ра Гершеля было полностью поглощено объявлению о блестящих открытиях, сделанных им касательно южных созвездий, и составлением таблиц и каталогов им же открытых ранее неизвестных звезд, чтобы в достаточной мере воспользоваться возможностями, которые предоставили нам последующие ясные ночи.

В одну из таковых мы, т.е. мистер Драммонд, мистер Холмс и я сам, однако же, сделали в районе Радужной Бухты, которую я уже вскользь упоминал в другом случае следующие открытия. Эта бухта, носящая столь прихотливое название, является частью северного побережья первого из великих океанов, мною описанных незадолго до этого, на картах же она обозначена буквой О. Часть побережья, исследованная нами в этом случае, в каталоге обозначается цифрами 6,5,8,7, крупнейшие горы, к которым собственно и относятся эти номера, соответственно именуются Атлас, Геркулес, Гераклид, Вер, и Ложный Гераклид. Далее к северу от них располагается кольцевая островная структура, под названием Пифагор, и обозначенная цифрой 1; и далее, по соседству с меридиональной линией расположен гористый район помеченный литерой R, и носящий имя Засушливой земли и Q, Заиндевелой Земли; при том, что имя последнего, данное из чисто теоретических соображений, в достаточной мере соответствует действительности, т.к. вершины величественного вида гор его составляющих без всякого сомнения, покрыты были снегом, при том, что окружающие их долины радовали глаз пышностью и богатством красок, присущих середине лета.

Обитатели Луны

Однако, районом с самого начала подвергнутым нами особенно скрупулезному рассмотрению был Ложный Гераклид (№ 7), где нам удалось обнаружить несколько неизвестных доселе видов животных, из каковых все были рогаты и отличались белым или серым оттенком шкуры, и остатки трех древних треугольных храмов, с давних времен лежавших в руинах. Двигаясь дальше на юго-восток, вплоть до Атласа (№ 6), где мы обнаружили в одной из красивейших долин, лежавших у подножия горы, особенно высокоразвитый тип *Vespertilio-homo*. Ростом и сложением эта разновидность была во многом схожа с описанной нами чуть ранее, при том что внешность у них отличалась куда большей привлекательностью, вплоть до того, что нам показалось, будто они немногим уступали красотой ангелам, как последних обычно изображают на своих картинах художники, наделенные особым богатством воображения. Их социальная и экономическая организация, по всей видимости, определялась законами и церемониями ничем не отличавшимися от виденных нами в Долине Триад, но созданные ими произведения искусства были куда более многочисленны, и являли собой образец мастерства столь высокого, что уровень его трудно себе вообразить, если не видеть его собственными глазами. Я предоставляю д-ру Гершелю собственноручно изложить их первое детальное описание, каковое должно проявить в его работе о натуральной истории Луны.

[На этом завершается Приложение, к которому также прилагается сорок страниц иллюстративного материала и математиче-

ских выкладок, наличие которых много повышает ценность и величину этой работы, при том что эта часть вряд ли будет представлять интерес для широкой публики. -- Ред. *Sun.*]

Ричард Адамс Локк